

Вера Сытник

Гражданин

Серия книг
"Новые имена в современной литературе"

РОМАН

18+

Новые имена современной литературы

Вера СЫТНИК
Гражданин ГР

«Издательство «Союз писателей»

2016

УДК 82-31
ББК 84 (2 Рос=Рус)

Сытник В.

Гражданин ГР / В. Сытник — «Издательство «Союз писателей»,
2016 — (Новые имена современной литературы)

ISBN 978-5-00073-242-7

Реальность или вымысел? Жизненная драма или фантастика? Социальная сатира или политическая утопия? Довольно трудно однозначно ответить на эти вопросы, пытаясь охарактеризовать новую книгу Веры Сытник «Гражданин Гр», представляющую собой эдакий микс стилей и жанров. Это произведение переносит читателя в некий альтернативный мир, который, по своей сути, является отражением действительности второй половины прошлого столетия со всеми ее плюсами и минусами. Вымышленные герои живут в вымышленных странах, в которых, если внимательно приглядеться, легко узнать настоящие государства и вполне обычных людей, знакомых каждому. Произведению свойственны утопичность и гротескность, помогающие расставить акценты, выделить главное и посмеяться над реалиями, которые заслуживали смеха. В то же время достойное восхищение осталось нетронутым и так же стоит на своем месте. Главный герой, который прошел сквозь социальную мясорубку, пытается найти свое место в мире и обрести новые идеалы взамен утраченных. Он идет навстречу своей призрачной мечте, пусть и не до конца понимает в чем именно она заключается. Можно не сомневаться, что путь этот будет долгим, трудным, полным казусов и драм, но не лишенным и приятностей. И все это на фоне безошибочно узнаваемых событий и быта, который помнит каждый, кому довелось жить несколько десятилетий назад.

УДК 82-31
ББК 84 (2 Рос=Рус)

ISBN 978-5-00073-242-7

© Сытник В., 2016

© «Издательство «Союз
писателей», 2016

Содержание

Вступление	7
Глава 1	10
Глава 2	20
Глава 3	26
Глава 4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Вера Сытник Гражданин ГР

© Союз писателей, 2016

© Сытник В., 2016

Вступление

Разные люди проходят мимо нас: добрые и злые, хитрые и простодушные, красивые и не очень, худые и толстые – каких только нет среди них фигур и улыбок! И все спешат, наивные, не замечая того, что находится рядом. С некоторыми из них мы сталкиваемся, чтобы тут же разлететься в разные стороны, с другими задерживаемся на несколько дней или даже месяцев, а с кем-то берёмся за руки и начинаем бежать вместе, надеясь, что так будет легче добраться до горизонта...

Все мы проходимцы. Каждую минуту проходим мимо чего-то, думая, что самое важное ждёт нас там, вдали, куда мы спешим, не замечая, что теряем силы и оставляем без внимания, быть может, главное для нас. Мы бежим мимо встреч и разлук, мимо друзей и любимых, мимо надежды и мимо мечты. Двигаемся куда-то, всё убыстряя и убыстряя темп. 14 вот уже не просто бежим, а мчимся, несёмся что есть мочи, крутя педали или давя на газ, и не имеем смелости снять руку с коробки передач, чтобы остановиться...

Забывая о страховке, прыгаем из мчащихся автомобилей на палубы отплывающих пароходов и думаем, что совершили подвиг. Заскакиваем в уходящие поезда и ликуем, что успели ухватиться за грязные поручни вагона. Забегаем в последнюю минуту перед тем, как хлопнется дверь, в самолёты и торжествуем при мысли о полёте. Чего только не делаем в попытках подхлестнуть жизнь! Бремя тоже бежит вслед за нами, едва успевая принаравливаться к нескладному ритму, который мы задаём, когда чередуем мелкие шаги с крупными прыжками.

С разной скоростью мелькают перед нами города, события и лица: улочки переходят в проспекты, за спектаклем следует ужин, одни проходимцы сменяют других, и всем нам кажется, что нет ничего прекраснее этого калейдоскопа. Все мы торопимся, забавные, не понимая, куда несёмся и почему не сидим на месте. В погоне за призрачным не помним, откуда начался наш путь, а заметив собственное отражение в зеркале, пугаемся, приняв его за незнакомца, и забываем об увиденном, как только отворачиваемся.

Мы так спешим опередить друг друга и так боимся не успеть куда-то, что нам никогда не удаётся разглядеть встречные лица. А если удаётся, мы быстро теряем к ним интерес, ибо всё напоминает невзрачные эскизы и блеклые наброски, не стоящие того, чтобы их рассматривать. Однако есть такие из пробежавших рядом с нами или бегущих нам наперерез, которые, как яркие портреты, надолго остаются в памяти, поразив нас своей несхожестью с другими проходимцами и заставив нас задуматься о жизни.

Автору этих строк довелось встретиться с большим количеством людей, которых можно смело назвать колоритными, неординарными личностями, но всех затмил Гр. Писатель познакомился с ним, вернувшись с дрейфующей льдины, где был по служебной необходимости, познакомился, ещё находясь под впечатлением увиденного на льдине. Его поразила кипучая активность живущих там граждан. Все они вели отчаянную борьбу между собой – за каждый солнечный лучик, за каждый градус тепла, за каждый отблеск рассвета! За всё, что могло их согреть. Это приводило к образованию живых огромных шевелящихся клубков, которые то в бешенстве катались по льдине, чудом не сваливаясь в воду, то вдруг надолго замирали, будто прислушиваясь к самим себе.

Автора поразила виртуозная ловкость проходимцев, их цепкость, их упрямство. Они бежали по спинам друг друга, продавливая рёбра и ломая хребты, ползали между ногами, цеплялись зубами за чужие пятки, перепрыгивали через головы соседей, отрывая им уши шпорами от своих сапог, и при всём при этом успевали обедать, ужинать и даже спать. Борьба согревала проходимцев, сон охлаждал. Поэтому, проснувшись заиндевевшими, они принимались за привычное – втапывали в грязь женщин, растирали в пыль стариков, царапали и кусали друг друга, лишь бы сделать так, чтобы солнце светило только для них одних. Самые ловкие

из граждан, добравшись до вершины внезапно остановившегося, клубящегося человеческими телами шара, устраивались там и принимались методично пинать любого, кто пытался к ним подобраться. Когда автор крикнул, что это опасно, что клубки катятся и тот, кто был наверху, может быть раздавлен, в него кинули сапогом. Писатель примолк.

Каково же было его удивление, когда, вернувшись на землю, он увидел, что большие разноцветные шары, которые он раньше принимал за элементы архитектурного модернизма, не что иное, как те же шевелящиеся клубки, только меньших размеров и более неподвижные, чем те, на льдине. «Должно быть, сказывается наш мягкий климат», – подумал автор, приглядываясь. Действительно, вместо инея на лицах просыпавшихся континентальных проходимцев выступал горячий пот. И одеты они были не в шубы, а в лёгкие куртки, но вели себя так, будто им тоже не хватало солнца. Так же, как и граждане на льдине, они пихали и гнули друг друга, пытаясь подняться как можно выше в общем клубке. Иногда кто-нибудь, не удержавшись, обрушивался вниз и долго лежал на земле, отдыхаясь и набираясь сил. Были такие, кто сердито уходил, но снова возвращался, держа в руках снаряжение скалолаза.

Автор задумался и принялся наблюдать, сравнивать. А тут как раз Гр, который, узнав, что между шарами в поисках натуры ходит настоящий писатель, отбросил скальные туфли с крючьями в сторону и принялся лезть ему прямо в глаза, попадаясь то тут, то там на пути литератора с единственной целью – заинтриговать его, ну и чтобы рассмотреть получше. Надо сказать, что у Гр никогда не было мечты. А значит, не было спасительной возможности ухватиться за неё в начале своего падения с шара, как в таких случаях поступали некоторые из проходимцев. Поэтому он получал сильные ушибы, падая вниз. И совершенно естественно, что, когда он увидел перед собой одни только битые рожи, его заинтересовал человек без синяков и шишек, без единой царапины на лице.

Как только Гр ни изощрялся, привлекая к себе внимание! Однажды долго не выпускал автора из лифта, гримасничал и кривлялся перед ним, а сам, между тем внимательно его разглядывал, будто хотел выведать какую-то тайну. В другой раз нарочно прыгал по огромной луже, когда писатель с зонтиком в руках хотел пробежать мимо. Гр поднял такой фонтан грязи, сквозь который невозможно было пройти, и поэтому литератор был вынужден остановиться и даже повернуть назад. При следующей встрече Гр стал кидаться в него камнями, целясь попасть в живот. И попал несколько раз и уже хотел прибегнуть к бревну, чтобы преградить с его помощью дорогу, но писатель, вместо того чтобы рассердиться, вдруг предложил выпить по чашечке кофе. Представившись друг другу, они зашли в ближайшее кафе и разговорились.

Добившись желаемого, Гр сначала молчал, тараща на нового приятеля глаза и взволнованно вздыхая, а потом принялся выпрашивать, есть ли у того мечта, когда он с ней познакомился и что это вообще за штука такая. Узнав, что никто не знает, откуда она берётся, и что писатель повстречался с ней в детстве, почему-то расстроился. Снова замолчал, задумался, задышал тяжело и часто, откашлялся, после чего начал торопливо рассказывать о себе, будто доказывал, что он, как никто иной, достоин попасть на страницы художественного произведения. Гр перескакивал с одного события на другое, забывал, повторялся, прерывался на длинные паузы и блуждал в датах.

Долго не мог объяснить, зачем женился на Ло, женщине старше его на девять лет, почему не любил Нанайца, своего сослуживца, человека доброго и отзывчивого, по его же словам, почему сбежал из Буголии, просторы которой так подходили для бизнеса, и вконец запутался после эпизода с кражей ССД, Стимулятора Собственного Достоинства. Гр заскучал. Прервав рассказ на том, как он нашёл танки на дне оврага, как несколько дней возился с ними, открывая стволы, чудак вдруг споткнулся, будто вспомнив что-то очень важное, заторопился и убежал, оставив писателя в некоторой растерянности.

Возможно, сей странный человек так и остался бы в памяти автора лёгким наброском, если бы судьба не преподнесла через несколько лет ещё одну встречу с ним – в чужой стране,

где проходимец раскрылся во всём своём блеске. Увидев писателя в оазисе, сидящим в панаме под пальмой, Гр бросился к нему с радостью старого доброго знакомого. Как и раньше, сначала принялся расспрашивать, но уже не о том, где найти мечту, а о том, зависит ли она от счастья? Или счастье от неё? Выслушав, что эти две вещи не всегда взаимосвязаны и даже, наоборот, часто мешают друг другу, удивлённо помолчал, как тогда, в кафе, покашлял, а потом заговорил.

Он говорил несколько часов, торопясь воспользоваться случаем, чтобы похвастать о своих похождениях, последовавших за откручиванием у танков стволов. Писатель давно снял панаму за ненадобностью, солнце пропало, и наступили густые сумерки, а Гр не мог остановиться. Он рассказал без передышки о том, как занимался штрипками и носил колонизаторские ботинки, как разбивал сталагмитовый парк в пустыне и гонял на бжипе, как строил с Нанайцем «Фецир» для дезинфекции дорог, как летал на воздушных змеях, как заглядывал в иллюминаторы самолётов, как разговаривал с верблюдом, как был капитаном корабля, как... Заинтригованный писатель не успевал делать пометки в блокноте, подсвечивая себе мобильным телефоном. Гр между тем уже развивал тему сломанного компаса, незаметно подобрался к Северному сиянию, к арбузам в снегах и к зелёной птице за штурвалом самолёта. Затем, нахмурившись, прошёлся нехотя по дырявым карманам, по злой депрессии и вдруг заскучал, как и при знакомстве, когда запутался в истории с ССД. Он встал со скамейки, закурил и гордо удалился.

Автор крикнул в темноту:

– И это всё? А что сейчас?

– Сейчас я готовлюсь к восхождению на пирамиду! – раздалось в ответ, что весьма озадачило автора, но продолжать разговор было не с кем. Гр ушёл.

Вернувшись на родину, писатель почувствовал, что находится под впечатлением услышанного. Не сопротивляясь внутреннему порыву, он принялся за роман. Правда, последовательного повествования не получилось, рассказы Гр отличались слишком большой бессвязностью, чтобы сделать из них подобие плавно текущей реки. Как писатель ни старался, ему не удалось преодолеть некоторую обрывистость изложения, что на самом деле неплохо, так как это придаёт тексту неровность, соответствующую неуравновешенному характеру героя. В добавление к сказанному пришлось сохранить некоторые слова в исковерканном виде, такими, какими они звучали в устах Гр, и всё для того, чтобы можно было лучше представить себе этого проходимца.

На всякий случай автор предупреждает: если читатель найдёт хоть малейшее сходство между собой и Гр или кем-то другим, пусть не принимает на свой счёт – автор забавлялся, преувеличивая особенности персонажей. Он был вынужден так поступить, ибо засомневался в принципе реализма, который, по его мнению, нужен для того, чтобы отпугивать читателя, а это не входило в планы сочинителя.

Глава 1

Гр

Парение

Каждый, кто посмотрит на Гр и услышит его дребезжащий, похожий на звучание разболтанной гитары голос, признает, что никакое другое имя ему не подходит, очень уж ладно оно гармонировало с манерами этого человека. Движения мужчины были угловаты и отличались развязностью. К тому же Гр будто нарочно показывал небрежное отношение к родному алфавиту. Напирал на дрожащие согласные – они ему хорошо удавались – и часто пропускал или путал гласные. Менял местами звонкие и глухие звуки, а шипящие так просто ненавидел, используя вместо них любой, более удобный в произношении звук. Со стороны могло показаться, что вся его речь состоит из одного сплошного «гр-гр-гр», поэтому никто не удивлялся его странному имени.

Был он выше среднего роста, тёмно-рус, курчав, с прямой, как доска, спиной, с аккуратной стриженной бородкой, окаймлявшей в виде полумесяца твёрдый подбородок. Носил небольшие, в тонкой оправе, круглые очки, за которыми таился презрительный настороженный взгляд. Однако высокомерный разворот плеч и руки, вечно спрятанные в карманах брюк, выдавали его. Бее видели в нём надменного человека, опасющегося подвоха и готового обмануть первого встречного.

Как все холерики, Гр мало и чутко спал, зато много и быстро двигался. Не умел долго сидеть за столом, начиная уже через пять минут ёрзать и подбирать под себя ноги. Не успокоившись, толкал их под стул, задира на стол, сгибал, разгибал, болтал ими в воздухе и так без конца, пока, измучившись, не кидал ручку или ложку и не вскакивал с места. Гр легко бросался от одного дела к другому, во всём сомневался и никому не доверял – прекрасные качества для офицера спецушника! Цепляясь за чьи-то пятки, уши и волосы, он изо всех сил продирался в середину живого шара. Зачем? Так делало большинство знакомых ему людей. Мысль, что его могут раздавить, не пугала Гр. Ходить по земле было не менее опасно по причине катающихся повсюду всё тех же шаров.

Как-то, незадолго до увольнения из государственных войск, он оторвал кому-то в этой свалке два погона с большими звёздами. В ответ ему больно наступили ногой на живот и ударили по голове. Перелетев через улицу, Гр очутился на поверхности другого шара, из глубины которого послышалась знакомая речь. Протиснувшись вперёд, он увидел Нанайца, сослуживца из рассветотдела, такого же спецушника, как и он сам. Носатое лицо рассветчика с чистыми, как у ребёнка, голубыми глазами, всегда добродушно-уверенное, сейчас выглядело растерянным.

– Слушай! В чём дело? Сидел в кабинете, меня вдруг подхватило и понесло! – прокричал знакомый, пытаясь подтянуть брюки, за которые ухватились сразу два казаха в малахаях.

– Ты до сих пор не понял? – крикнул в ответ Гр, обрадованный встрече со своим. – Чем занимался в последнее время?

– Анализ обстановки делал! Готовил сводку о положении дел на границе: сколько овец нейтральную полосу перешло! – проорал Нанайца, стиснутый национальными кадрами.

– Не нужна твоя справка! Бур-р-езд-р-ройка! – рассмеялся Гр.

– Что-что? – не понял сослуживец.

– Бурестройка, говорю. Буря! Всё к чёртовой матери! И граница туда же вместе с овцами! Ты уже вырыл бомбоубежище? – спросил Гр, помня, что равнодушный к шарам Нанаец славился тем, что из любой ситуации мог найти выход.

Но ответа не услышал. Сильный удар сотряс клубок, и оба офицера оказались подброшенными высоко над землёй. Описав две расходящиеся дуги в воздухе, они упали на разные шары, которые покатались в противоположных направлениях.

Стараясь удержаться, Гр начал размахивать руками. Он ударил кого-то по лицу, залез в чей-то карман, оторвал чью-то пуговицу, укусил чей-то нос. Его грубо толкнули. И он начал падать. Вокруг замелькали головы, руки, ноги. Гр летел вниз, натываясь на гранитные лбы и железные плечи, и лихорадочно соображал, за что бы ухватиться, но скорость была слишком велика, чтобы успеть выполнить маневр. Всё! Конец. Он зажмурил глаза и готов был попрощаться с жизнью, как вдруг почувствовал, что его подхватили чьи-то сильные нежные руки.

– Глупый, – сказала полногрудая женщина, слегка приседая от тяжести нежданно свалившегося на неё счастья, – зачем ты лез на это? – Она брезгливо кивнула в сторону огромного клубка, шевелящегося неподалёку. – Посмотри, ведь он же круглый, где ты видишь у него вершину? Он катится, поэтому может запросто тебя раздавить. Уж если хочешь куда-то ползти, карабкайся на пирамиду.

– А где она? – спросил капризно Гр, уютно устраиваясь на руках у женщины.

– Найдём, не сомневайся, – уверенно заявила спасительница. Она осторожно поставила мужчину на землю и застегнула на его брюках ремень, почти выпавший из шлёвок во время полёта.

– Ло, – сказала она, посмотрев своему счастью в глаза, и ещё раз присела, только теперь уже в реверансе, взявшись за брюки и растянув их по бокам.

– Гр, – ответило счастье.

Гр хотел поднять руку к виску, но закашлялся. Женщина развязала галстук на его шее, чтобы он мог свободно дышать, и собралась заодно оторвать погоны с помятого кителя:

– Милый, зачем они тебе? Только мешают счастью!

– Не тр-рогай! – испугался Гр, оглядываясь по сторонам.

– Ах ты, какой пугливый! Досталось, видно, по жизни. Ну, ничего, успокойся. Пойдём, я тебя конфетами угощу.

Женщина пошла вперёд, довольно потирая руки.

– Воровка! – кто-то громко крикнул из глубины шевелящегося шара, и чьи-то тонкие напряжённые пальцы попытались ухватить Гр за брючину.

Ло с усмешкой оглянулась и топнула ногой.

– Цыц! – прошипела она в сторону живого клубка.

Пальцы исчезли.

Гр ничего не заметил. Он облегчённо вздохнул, поискал глазами вокруг и, подобрав головной убор в клумбе с цветами, отправился вслед за полногрудой, жадно разглядывая её со спины. Растущие неподалёку роскошные каштаны удивлённо приподняли зелёные плечи и покачали макушками – в такт ветеру.

О сильных ногах

Когда-то в молодости, незадолго до окончания Столичного Специального Института, Гр полюбил прохаживаться вдоль железного забора вокруг засекреченного Межгалактического городка, расположенного на пустыре за их Столичным общежитием. По слухам, в городке готовили засланцев в другие галактики, а кроме того, там работали классные девушки. Может быть, из любви к буфетчицам или из тайной зависти к будущим покорителям космических миров Гр захотел поменять специальность. Мысль о переходе в Отряд Высокого Назначения пришла

ему в голову, когда он увидел, как однажды из-за железного забора вдруг вылетела фанерная ракета с сидящими в ней улыбающимися курсантами. Следом выскочили белокурые красавицы в ажурных фартучках и белых чепчиках. Они принялись руками ловить кружащую над пустырём ракету. Поймав, с хохотом опустили на землю и вытащили наружу счастливых парней. Гр понял, что медлить нельзя.

Он придумал ходить вдоль забора на руках, демонстрируя имеющуюся в них силу и показывая закалённость своего вестибулярного аппарата. Стоял на голове, прыгал назад, через спину, лежал на одном ухе, бегал на пальцах. День за днём пропускал занятия в институте, стучась пятками в чужой забор, стараясь всё время находиться в зоне видимости камер наружного наблюдения. Эх, если бы его заметили! Если бы пригласили! Уж он бы выдал, на что был способен! Мелкая острая щёбёнка резала ладони и впивалась в голову, но Гр не замечал боли, терпел и продолжал усердствовать. Только иногда в качестве передышки вставал на ноги и прыгал, стараясь достать до верхушки забора и хоть одним глазком да взглянуть на вожделенную обитель. Однако все попытки не имели успеха, забор был высок.

И всё же на него обратили внимание. И даже оценили по достоинству его таланты. Помог этому странный случай. Стоял хмурый осенний день. Дул ветер, собирались тучи, солнца почти не было видно. В городке шла учебная тренировка, до Гр доносился скрип дерева и лязг железа. Неожиданно звуки слились в одно угрожающее визжание, и с территории секретной части вылетела окольцованная обручами барокамера. Пробив забор, дребезжа и громяхая, она пронеслась несколько метров над землёй и застряла между болтающимися в воздухе ногами Гр, который, как обычно, шёл вниз головой. Гр остановился и, скосив глаза, попытался рассмотреть учебный снаряд.

– Салют! – сказал начальник космических проектов, выглядывая из затянутого полиэтиленовой плёнкой иллюминатора.

– Виват... – растерялся проходимец, расслабляя мышцы, чтобы раздвинуть ноги.

– Не шевелись, ковбой! – строго приказал генерал, осторожно открывая дверь камеры.

Он спрыгнул на землю, наклонился и похлопал Гр по плечу:

– Вольно, жонглёр! Ты откуда взялся?

«Жонглёр» сильным движением отбросил дубовую махину подальше от себя и рывком принял правильное положение.

– Оттуда, – он кивнул головой в сторону своего общежития.

– Уважаю! – понимающе заурчал генерал. – Там у всех такие ноги? – спросил он с интересом, больно хватая парня за ляжку.

– Не у всех. У меня одного. У меня и лоб такой, смотрите!

Гр разбежался и что есть мочи ударился головой в забор. Рядом с первой, неровной по краям дыркой появилась ещё одна, о которой можно было подумать, что её очертили циркулем, перед тем как вырезать лазером. Сквозь образовавшееся пространство виднелось небольшое лётное поле с разбросанными по нему фанерными аэропланами.

– Высший пилотаж! – восторженно загудел генерал, отступая немного назад. – А тут что делаешь?

– К вам хочу, чтобы поближе к звёздам.

Гр вытянулся в струнку и замер. Начальник сурово и пристально посмотрел на него, затем сказал, приглушая голос, подобный звуку тяжёлой трубы:

– Да, мы активно осваиваем космос, да, мы нуждаемся в здоровых посланниках, в их крепких ногах. Только такие парни, как ты, могут защитить честь своей Родины на далёких планетах. Но, – тут генерал придвинулся вплотную к Гр, схватил его руку в области запястья и стал считать пульс, – мы должны быть уверены в их способности молчать!

При этих словах мужчина подпрыгнул на месте и наступил кованым сапогом на правую ногу Гр, после чего внимательно всмотрелся в собеседника и прислушался. Пульс Гр оставался ровным, а дыхание спокойным.

– Герой! – генерал хлопнул испытуемого по плечу. – Идём!

Он пошёл вперёд, громко насвистывая «Марш славянки». Перед воротами оглянулся и лукаво спросил:

– Знаешь, почему я тебя взял? Думаешь, из-за ног? Ха, такого добра хоть пруд пруди! Нет, дорогой, на тебя у меня особые виды. У тебя уникальная внешность: грушевидный череп, борода, надутые щёки, а глаз почти не видно! Ну чистой воды «гость»!

– Откуда – «гость»? – вежливо спросил Гр, польщённый вниманием бывшего астронавта.

– Оттуда! – генерал задрал голову вверх и добавил: – Пошли, пришелец, пригодишься! А если дело пойдёт, так самого настоящего засланца из тебя сделаю! Вот так экземпляр!

И довольно захохотал, ещё раз хлопнув Гр по плечу. Хлопок совпал с прогремевшим вдали громом, который прокатился по всему небу и затих. Это было похоже на то, как будто кто-то опрокинул вагон с камнями.

– Умериканцы балуются, ну, мы им покажем! – злобно прошептал генерал и ободряюще улыбнулся новоиспечённому курсанту.

О вреде общественного питания

Со Специальным Институтом было покончено. Гр переселился за железный забор и приступил к учёбе. Ему показали, как управлять ракетой, как пользоваться трапом. И вскоре, немного потрудившись с надеванием войлочного скафандра, он начал совершать экспериментальные ночные полёты над знакомым ему пустырьём. Днём спал до обеда, плотно ел, пил сливовый компот и шёл изучать эхвинский язык, необходимый для межгалактических переговоров. И так как обе дисциплины давались ему легко, через два месяца был зачислен главным засланцем в отряд астронавтов. Его исключительная внешность предопределила будущие задачи экспедиции.

– Твоя цель, – инструктировал генерал на ежедневном личном собеседовании, – внедриться в среду! С твоим грушевидным черепом сделать это будет легко. Вступи в контакты! Брось семена! Как можно больше, как можно быстрее, чтобы опередить другие государства! Покажи им себя! Вывернись наизнанку, чтоб они узнали, где их счастье!

– Вас понял! – возбуждённо рывкал курсант, почёсывая ту часть тела, где укрывались его семена.

Предполагалось, что остальная команда будет работать только на Гр, контролируя инопланетную ситуацию и обеспечивая командиру комфортную спокойную жизнь, чтобы соперники не свернули ему ненароком шею. Экспедиция планировалась на неопределённое количество лет, в зависимости от объёма работы.

– А вернёшься, – добавил генерал, багровея при виде улыбчивой белокурой буфетчицы на высоких каблуках, впархивавшей в кабинет за пустым подносом, – откроешь швейную мастерскую. Не хочешь? Ну, автозаправку или пивной ларёк. Учти, чем дольше будет длиться твоя командировка, тем больше ты получишь! Теперь же главное не проболтаться. Ни гу-гу! Никому! Об эксперименте ни слова! Кругом умериканцы шмыгают. Иначе...

При этих словах начальник выходил из-за стола и подпрыгивал, гораздо выше, чем в первый раз, и внутренней стороной тяжёлых ботинок бил Гр по ушам. Гр только улыбался в ответ да нехотя ковырялся в ушных раковинах, делая вид, что туда залетела мошка. Генерал довольно хрюкал. Погладив Гр по затылку, он выпроваживал проходимца за дверь, а сам вприпрыжку бежал в буфетную.

Читатель никогда не узнал бы о Гр, если бы тот выполнил нехитрое генеральское условие и не раскрыл бы рта, когда надо было промолчать. Но вытерпеть боль от удара генеральских ботинок оказалось легче, чем не похвалиться. Увы, далёкие галактики остались неосеменёнными. Гр так и не надел блестящий костюм засланца, так и не стал владельцем пивного ларька. Разомлев, он не смог устоять перед ласками блондинки из буфета, круглые ягодицы которой внушали ему чувство любви. Той самой кокетки, что носила генералу чай. Гр забежал к ней как-то вечером перед тренировочным полётом и задержался до глубокой ночи, чувствуя лёгкую недосказанность между собой и подругой. В щели комнаты тянуло первым холодом, предвещавшим скорую зиму, в открытую форточку залетали сухие кленовые листья. Листья падали на уставленный закусками стол, придавая ему оттенок художественности. На душе у засланца было тепло.

– Ты странно выглядишь, дорогой, – сказала буфетчица, освобождаясь из жадных объятий и присаживаясь рядом с гостем на диван. Она запустила быстрые пальчики в шевелюру парня. – Что-то случилось? Вот и в полёт опоздал! Выговор влепят.

– Мне теперь ничего не влепят. – Гр самодовольно дёрнул головой, поворачиваясь на бок.

– Это ещё почему? По эхвынскому пятёрку получил? – изумилась девушка.

Она нежно надела на затылок курсанта, зная, что это его самая слабая зона: чуть-чуть погладишь, и можно выведать всё что угодно. Гр расслабленно закрыл глаза, свернулся клубочком, громко застонал и проговорился:

– Ах, эхвынский тут ни при чём. Дело куда серьёзней, меня назначили главным засланцем, возможно, нам скоро придётся расстаться.

– Повтори, что ты сказал? – вскричала блондинка, сжимая затылок Гр одной рукой, а другой включая микрофон, вшитый в шёлковый пеньюар.

– Я стал главным засланцем. Скоро полечу в другую галактику, – отчётливо повторил Гр, едва сдерживая рвущуюся из него радость.

«Что за хлюпики попадаются? Ни одного крепкого мужика! Бот и понадейся на такого, что получит зарплату и женится на мне!» – разочарованно подумала девушка и отключила магнитофон.

– Я буду ждать тебя, дорогой, – произнесла она заученную фразу.

Вытолкав полусонного, ничего не понимающего любовника за дверь, девица села писать служебный рапорт.

Следующим утром в комнату Гр пришли незнакомые люди. Они перерыли всё его барахло, забрали учебный скафандр, учебник грамматики эхвынского языка, карту звёздного неба и курсантские погоны. А самого Гр, раздетого, без обуви, вышвырнули за железный забор, у ворот которого стоял генерал в спортивных трусах посреди цветочных клумб, припорошенных первым снегом, и делал зарядку. Он погрозил бывшему курсанту средним пальцем левой руки и равнодушно сказал:

– Появишься здесь, выбросим в открытый космос. Будешь там плавать, пока умериканцы не собьют.

Генерал сделал вид, что хочет подпрыгнуть. Гр инстинктивно схватился за уши и побежал. Проходимец вернулся в свой институт, благополучно его окончил, прославившись умением маршировать на руках под строгий гимн страны на главной площади столицы во время парада и пятками давить в зубы каждому, кто шёл не в ногу. За это его направили на самый сложный участок работы – на границу, чтобы он ходил на руках по нейтральной полосе, сбивая с толку противника. О постыдном же откровении с космической буфетчицей Гр рассказал много лет спустя лишь Нанайцу, да и то, когда пьяный был. А в небо с того времени старался не глядеть, особенно в ночное, особенно в грозу, почему-то ему постоянно мерещились умериканцы.

Прошли годы, но впечатление от той истории сохранилось надолго. Гр приобрёл ненависть к общественному питанию, считая, что столовые приносят только вред, ибо ничто так не может ухудшить пищеварение, как вид буфетчицы. При взгляде на девушку с белой ажурной наколкой на голове у него начинались желудочные спазмы, и Гр уже не мог есть. Поэтому, заходя в столовую, бедняга заранее плевался в сторону буфета, стараясь попасть в лицо незнакомой барышни, чтобы приободрить себя и хоть как-то расслабиться. Но, получив пару глубоких царапин в ответ, прекратил свои нападки и перестал вовсе пользоваться общепитом.

Единственным свидетельством его причастности к межгалактическим проектам осталась небольшая цветная фотография, на которой Гр был запечатлён в жёлтом скафандре рядом с фанерной ракетой, разрисованной под сперматозоиды. Такие фотографии выдавали строго под личную роспись. Для поднятия своей самооценки курсанты обязаны были смотреть на неё каждые два часа днём и один раз ночью. С этой целью всем вдевали в нос кольцо, вибрирующее до тех пор, пока его обладатель не кидал взгляд на снимок. Некоторые пробовали отлынивать, но, когда у одного из курсантов негромким взрывом разворотило ноздри, никто уже не решался медлить. При первых же признаках свербения в носу все хватались за нагрудный карман, где лежала фотография. У Гр её не отобрали только потому, что накануне обыска он обронил снимок в общественной бане, куда зашёл перед свиданием с буфетчицей. А про кольцо забыли, оно так плотно облегалось носовую перегородку, что делалось практически незаметным. Гр порвал верхнюю губу, сломал не одни плоскогубцы, снимая его с себя. И не придумал ничего лучше, чем выбросить ненужный предмет в унитаз, в котором потом целый месяц что-то булькало и взрывалось.

Спустя несколько лет, когда он вместе с До был проездом в столице, Гр захотел хорошенько попариться и заскочил в знакомое заведение. Увидев на двери массажного кабинета фотографию с надписью «*Почётные клиенты*», он заволновался. Да и было от чего! На него смотрел улыбаясь молодой безбородый Гр, будущий засланец. Долго всматривался в своё прошлое, не решаясь протянуть к нему руки, но в конце концов сорвал снимок. Вышедший из кабинета массажист вцепился в Гр, умоляя вернуть фотографию, говоря, что это «самая мощная, какая только может быть, реклама!»

– Зачем она тебе? – крикнул банщик. – Разве это ты?! Здесь человек в скафандре! А ты голый. Никакого сходства!

Лишь после того, как разъярённый Гр прошипел несколько слов на эхвынском, а затем встал на руки, угрожающе раздвинув ноги над головой, парень отступил, с ужасом разглядывая странного клиента.

– К тебе астр-р-ронавты, люди в такой вот одежде не заглядывали? – тихо спросил Гр, возвращаясь в нормальное положение и тыкая пальцем в снимок. Проходимца вдруг осенило, что в городке могли хватиться кольца и фотографии! Он испугался при мысли, что его могут разыскивать.

– Не-а, не заглядывали, – ответил массажист и вспомнил: – Мужики недавно были, в платьях. Так они постоянно сюда ходят. Может, это космонавты переодетые?

Гр облегчённо вздохнул, забрал снимок, но массаж делать передумал и домываться не стал. Не сполоснувшись, по-быстрому оделся и помчался в отель, к жене, рядом с которой чувствовал себя в безопасности. Взглянув на фотографию, Ло сказала, что никогда не видела такой смешной картинки, что Гр похож здесь на лемура в каске, и положила фото в чемодан, чтобы повесить дома над раковиной в кухне.

Стимулятор Собственного Достоинства

Гр очень любил надувать щёки – по поводу и без повода, лишь бы надуться, да так сильно, чтобы искры из глаз посыпались. Когда он служил, делать это было легко и просто: в каж-

дой военной части имелся странный, на первый взгляд, аппарат, отдалённо напоминающий большой пылесос, только квадратный, с четырьмя длинными шлангами, одной большой дырой посередине и без колёсиков. Он стоял на гранитном постаменте в Укромном уголке отряда, где любой желающий мог подойти к нему после службы и подкачать себе столько воздуха, сколько было нужно для того, чтобы всегда оставаться на высоте и выглядеть важным человеком, солидно и серьёзно. Не все командиры пользовались этим приспособлением, считая его пережитком прошлого, как Нанаец, например, который брезговал даже глядеть на него, но были среди них такие, кто не слезил с аппарата, испытывая непреодолимую потребность в искусственной подпитке. К «зависимым» относился и Гр.

Один раз, уловив момент, когда в комнате никого не было, он затолкал себе в уши и в рот по шлангу и примеривался, куда бы засунуть последний, четвёртый, как в Укромный уголок вдруг зашёл генерал из Усобого отдела, человек строгий, с очень большим внешним достоинством, которое он гордо носил впереди себя – в виде круглого пышного брюха. В подкачанном состоянии брюхо комками выпирало из-под широкого генеральского ремня, а когда воздуха не хватало, спадало вниз, прикрывая колени словно фартуком. Генерал двумя руками поддерживал живот. Он недовольно взглянул на Гр нечестными глазами, похожими на глаза старой торговки, и тихо скомандовал:

– Смирно.

Гр застыл, не смея пошевелиться, боясь произвести шум, надеясь, что усобист не заметит его жадности.

– Вы знаете, товарищ старший лейтенант, как это называется? – грозно спросил генерал, приближаясь медленным шагом к офицеру.

Гр торопливо покачал головой, стараясь, чтобы шланги не ударили генерала по его красным щекам, и показал глазами на постамент, мол, заправляюсь.

– Нет, товарищ старший лейтенант, – продолжал усобист. – Я спрашиваю не об ССД, хотя речь касается именно его, Стимулятора Собственного Достоинства. Я спрашиваю, как назвать то, что вы с ним делаете?!

Гр хотел было ответить, что заряжается на несколько дней вперёд, так сказать, авансом, что на будущей неделе будет некогда, что дежурства по роте и ночные дозоры – это прежде всего. Но, почувствовав, как шланг давит на язык, вежливо промолчал.

– Это называется расхищением общественного добра, или, проще говоря, воровством. Вы с этим согласны?

– Никак нет, товарищ генерал! – в ужасе закричал Гр, выплёвывая изо рта шланг и вытягиваясь в струнку. – Это плановая дозаправка!

– Ну так заканчивайте скорее! И четвёртый шланг вставляйте! Сами знаете куда.

– Не могу, товарищ генерал, мне стыдно. – Несчастный засмутился и покраснел.

– Выполняйте приказ! – нетерпеливо закричал генерал и ткнул отросшим на сантиметр ногтем мизинца в грудь офицера, показывая, что не шутит.

– Я тогда к носу пристрою! – взмолился Гр.

Он снова затолкал шланг в рот, а последний, который по-прежнему неловко держал в руках, натянул на нос.

– А это уж, как хотите, главное, чтобы все они работали, – зловеще сказал генерал, включая аппарат.

Воздух четырьмя мощными потоками направился в человека. И то ли от того, что проходивец был слишком напряжён под взглядом злых усобистских глаз и чересчур сильно сжался, то ли от того, что генерал по своей чисто профессиональной привычке делать всем назло дал слишком мощный заряд, но случилось совсем не то, чего ожидал Гр. Вместо приятного, немного пьянящего ощущения, что в тебя вливают прохладные струйки искусственного достоинства, от которых сразу хотелось важничать, Гр испытал боль во всём теле. Он неожиданно

подпрыгнул, несколько раз перевернулся в воздухе и прилип головой к потолку, ни дать ни взять шарик с привязанными нитками. Генерал продолжал энергично давить на кнопки, злобно поглядывая вверх. Чувствуя, что у него сейчас разорвётся голова, Гр выдернул шланг из рта и кулем свалился к ногам развеселившегося усобиста.

– Всегда был уверен, что башка твоя пустая, – удовлетворённо произнёс мучитель, вытаскивая из ушей Гр шланги и освобождая его нос. Он поставил офицера на ноги, оглядел кругом, ощупал голову и нежно добавил, проводя ногтем мизинца по шее обмякшего Гр: – Завтра зайдёшь ко мне, дело есть. Кто там у вас по бабам ходит? Через какой канал идёт в часть «Блейбой»?

– Все ходят, товарищ генерал! А «Блейбой» попадает из болитотдела, раздают на занятиях! – крикнул пользователь ССД, падая в обморок.

Тот случай пошёл бедняге на пользу. Почувствовав громадные возможности Стимулятора Собственного Достоинства, Гр стал относиться к нему с большой осторожностью, а из опыта работы с Усобым отделом усвоил нехитрые способы запугивания людей, придуманные лично генералом. Онигодились, когда, уволившись из армии, он занялся бизнесом. Так, чтобы добиться понимания со стороны клиентов, Гр часто применял несложный приём: заставлял людей встать на голову и швырял в них горячими, только что из кипятка, луковичками, целясь прямо в рот. Несчастные соглашались со всеми условиями.

Гр прослужил девять спокойных лет, прежде чем войска, в которых он числился, не начали разваливаться по причине поднявшегося в стране в девяностых годах сумбура. Повсюду грянули сокращения. Кто-то проявил сообразительность, не стал дожидаться, пока ему дадут под зад, и уволился сам. В числе умных был генерал. Он ушёл в отставку в девяносто первом, а через год открыл своё первое публичное заведение в столице под очень простой лаконичной вывеской: «Особый дом». Гр всё хотел забежать туда, да не решался, помня о длинном ногте усоби́ста. Но пример генерала беспокоил его, заставляя всё чаще задумываться о своём будущем.

Мечты о мечтах

Гр с детства завидовал людям, которые умели мечтать. Неважно, исполнялись эти мечты или нет, главное, что они были и человек мог ими наслаждаться. Разглядывать, нюхать, грызть, гладить. Проходимец заметил, что человек с мечтой, вроде птицы с крыльями, умеет парить над землёй. Такому насос не нужен, обиженно думал Гр, с трудом приподнимаясь над серой действительностью после очередной дозаправки. Он часто видел вокруг себя счастливых людей, умеющих держаться в воздухе с помощью одной только мечты. Они то взлетали к небу, поддерживаемые её широкими крыльями, то опускались на землю, не ожидая чьих-либо приказов. В какую сторону шагнуть и где остановиться – всё было в их власти! Гр тоже так хотел. Парить без подкачки, чтобы с высоты положения плевать на реальность, так действующую ему на нервы!

Иногда попадались люди, удивлявшие его своей способностью беззаботно хохотать! Счастливики вынимали руки из карманов штанов и, позабыв про смущение и внутренние страхи, начинали покатываться со смеху, разглядывая какую-нибудь картинку в журнале или рассказывая анекдот. «Наверное, у них есть мечта, – рассуждал Гр, – иначе, как это возможно, чтобы вот так, без оглядки на прохожих, смеяться? Да ещё размахивать друг перед другом руками, рассказывая о своих планах. Рисуя в воздухе будущее». Он зеленел от зависти, видя, как люди из ничего, из пустоты перед собой, вдруг создавали перспективу. Потыкают пальцами в воздух, пощёлкают, почмокают, покачают головами, скажут несколько слов насчёт композиции, и на тебе – набросок новой мечты готов! Посмотрят граждане на творение своих рук,

порассуждают, как всё лучше устроить, и разойдутся. А мечта вслед за ними отправится, прихорашиваясь на лету.

Гр же как стоял, разинув рот, так и продолжал стоять, понимая, что ничего не запомнил. «Вот бы, – думал он частенько, – разжать пальцы да нарисовать что-нибудь эдакое!» Однако и пальцы не разжимались, и ускользали неясные образы. Сколько он ни тыкал впереди себя кулаками, напоминая со стороны обозлённого юркостью соперника боксёра, все попытки оказывались тщетными. Воздух перед его лицом оставался мрачно пустым. В нём не было и намёка на эскиз чего-нибудь прекрасного, напротив, всё казалось ямой, готовой проглотить целый мир и его, Гр, в придачу. Гр пугался ямы. Боясь потерять равновесие, он цеплялся за ближайший столб и долго приходил в себя.

С годами он приспособился скрывать свою зависть. Научился ходить в разговоре окольными путями вокруг заветной темы. Приноровился так расспрашивать спешащих мимо него проходимцев о всяких незначительных мелочах, что никто не догадывался об истинном его намерении – вывести всё, что касается мечты. «Зачем тебе этот галстук? Что ты хочешь сказать таким цветом? А запонки для чего? Не слишком ли они велики для твоих запястий?» – спрашивал он у прохожих и бежал вслед за ними, если те не хотели отвечать. Задавал один вопрос, третий, пятый, заикался, врал, что приходило в голову, но никогда не отпускал человека, не выжав из него хотя бы каплю его мечты. Люди плохо понимали Гр, многие видели в нём иностранного социолога, поэтому уклонялись от прямых ответов, отшучивались или отбрыкивались, когда потешный незнакомец хватал их за руки.

Гр не сдавался. Он без стеснения приставал к проходимцам, надеясь, что кто-нибудь проговорится наконец и он узнает главное – где найти мечту? В какой стране или в каком магазине? Бедняга весь замирал, скручивался, ужимался, если ему удавалось подслушать чужие разговоры об интересующем его предмете. Видя, как радуются счастливые обладатели сказочного богатства, он злился, переживал, однако пытался запомнить каждое их слово. И резко вздрагивал, когда они начинали показывать друг другу свои мечты, от близости которых у бедняги начиналась икота. Напуганные громкими звуками проходимцы убегали, а Гр с завистью смотрел в их встревоженные спины, оставаясь в растерянности, не понимая, откуда берутся такие весёлые, такие жизнерадостные люди, прекрасные, как долливудские актёры?

Случалось, что какой-нибудь беспечный простофиля оставлял свою ещё не окрепшую мечту на уличной скамейке, и Гр начинал охоту. Осторожно подкравшись, завистник торопливо кланялся:

– Бзвольте з-з-кызать. Я не встр-р-речал никого пр-р-р-екраснее вас! Гр-р-раше вас! Вы об-выр-р-рыжительно грасивы! Гр-р-рандиозно! – тархтел Гр, незаметно подталкивая незнакомку к своей широко раскрытой спортивной сумке.

– Как грубо, – отвечала обычно мечта, раскусив намерения обольстителя.

– Отчего же? Вовсе не грубо! А с лаской! Впрочем, мне всё р-р-равно, можно и грубо, лишь бы не расставаться с вами! – продолжал ворковать Гр, а сам, видя, что мечта не реагирует на комплименты, пускал в ход кулаки – пихал собеседницу в бок и толкал коленками, стараясь загнать её в сумку.

Однако слабая на вид мечта оказывала жёсткое сопротивление. Одним движением она сбрасывала мужчину со скамейки и гордо хохотала, довольная поверженным видом нахала, после чего взмахивала крыльями и улетала искать хозяина.

– Всё равно поймаю! – кричал ей вслед Гр, размазывая по щекам слёзы обиды.

Однажды ему чуть было не удалось поймать на берегу моря бесхозную, потрепанную ветром и временем красавицу. Интуитивно чувствуя романтичность обстановки, он притворился спящим, когда мечта вдруг тихо опустилась рядом с ним на тёплый песок. Гр лежал на спине, широко раскинув руки, и почти не шевелился, поэтому гостя не обратила на него внимания, очевидно, приняв за выброшенное на берег бревно. Она уселась неподалёку и при-

нялась чистить перья, освобождаясь от хвойных иголок, конфетных обёрток и поломанных зубочисток. Гр, закусив губу и приоткрыв один глаз, рассматривал прелестное видение, радуясь удаче.

Мечта была яркой, броской, с чистым пронзительным взглядом четырёх тёмно-розовых глаз и с двумя широкими сильными крыльями, которыми она грациозно встряхивала, чтобы сбросить прилипший к ним мусор. Прелестница казалась большой, размером с детский трёхколёсный велосипед, и была великолепна! Внешне походила на фантастическую печальную утку, забывшую, в какой стороне родной пруд. При взгляде на её хвост у Гр закралось подозрение, что не он один охотится за чужими мечтами. Кто-то успел выдергать перья из некогда роскошного, а теперь повисшего в виде потрёпанной метёлки хвоста его обворожительной соседки. Несколько прекрасных маленьких пёрышек, хорошо сохранившихся, все в серебристых пятнышках и золотистых звёздочках, говорили о благородном происхождении утки. Несмотря на увечье, она оставалась красивой. Грациозная осанка подчёркивала гармоничное телосложение, а прозрачная глазурь, покрывавшая шею и лапки, слегка затвердевшая на ветру, придавала весьма аппетитный вид. На месте, где у велосипеда располагалось сиденье, у мечты благоухала крупная роза, вся облитая тёмным шоколадом.

Гр осторожно шевельнул рукой, пытаясь дотянуться до цветка, и неожиданно тонко икнул от волнения, закашлялся, чем напугал прекрасную незнакомку. Оглянувшись, она легко взлетела в воздух. Покружила в недоумении над распластанным голым телом мужчины, проворно ухватила пролетающую мимо чайку за крыло и скрылась в белом облаке. Гр выругался с досады. Опять неудача! Лежал тише травы! Не высовывался, не грубил, не тискал, не льстил! И надо же такому случиться – икнул в неподходящий момент! А этот взгляд, которым утка на него посмотрела, нахмурившись и недовольно пошевелив клювом! Может быть, от него дурно пахнет? «Надо поменять одеколон, – решил он, – и впредь вести себя хитрее. Зачем ловить? Тем более на улице! Есть и другие способы, понадежней».

Глава 2

Ло

Запах шоколада

Ло родилась в пиларусской деревне Козюльки-но, получившей своё название от привычки жителей время от времени вытаскивать из своих носов небольшие, мешающие дышать козюльки. Деревня укрылась за холмами, словно радуясь тому, что никто не видит кошмарных манер её обитателей. Между холмами бежала узкая дорога, устремлённая к районному центру. По ней ходила старая телега, прицепленная к упряжке облезлого мерина. Летом на телеге привозили хлеб, спички, мыло и табак, а зимой мерин скользил и спотыкался, поэтому товары доставлял грузовик, правда, очень редко.

Раз в год отец Ло, всегда пьяный деревенский ветеринар, брал телегу и отправлялся в районный центр за лекарствами для животных. Он громко матерился, понуждая мерина сдвинуться с места, но тот, давно привыкший к грубому обращению, невозмутимо щипал траву на обочине дороги и шёл вперёд только тогда, когда надо было передвинуться к новому корму. Стоило приложить немало усилий, чтобы упрямец тронулся в путь.

Однажды вместе с отцом на телеге приехала молодая красивая женщина, про которую уважительно говорили, что «девка выбилась в люди, тепереча больных в городе лечит», а с ней чистенькая девочка лет восьми, напоминавшая розовую пластмассовую куклу, разодетую как принцесса. Увидев незнакомку, До замерла. Внешность девочки лучше любого учебника помогла ей осознать, что мир не ограничивается рамками деревни.

Красненькое платьице в горошек, голубой бантик в волосах, беленькие туфельки, запах, исходивший от девочки, перевернули все представления о жизни. До приезда городской казалось нормальным, что от людей пахнет так же, как от животных, – навозом, сеном, молоком. Да и как иначе, если пьяный отец даже спит рядом с коровами, когда обозлённая мать прогоняет его из дома! А чем может пахнуть от До, если она часами пропадает на скотном дворе, помогая отцу ставить уколы свиньям? Только грязью. Но тут было что-то необычное! Девочка благоухала новыми разноцветными карандашами, чистыми белыми тетрадями, крахмалом, утренней свежестью, и всё это смешивалось с ароматом шоколадных конфет. Обёртки от таких конфет, привозимых отцом из районного центра, До бережно складывала в коробку из-под медицинских препаратов, а потом любовалась ими. У неё закружилась голова от зависти.

Девочка уехала, а в сердце десятилетней До поселилась тревога. Ей стало страшно, что она никогда больше не увидит это чудо, не почувствует этот волшебный аромат, говорящий о существовании где-то иной, прекрасной жизни. До взглянула на свою юбку, сшитую из материнского платья, на стоптанные ботинки, доставшиеся от соседского мальчишки, и почувствовала себя обиженной. Больше всего на свете ей захотелось избавиться от вьёвшегося в кожу запаха скотного двора, чтобы пахнуть так же, как городская девочка.

Мечта о шоколаде, о его аромате сделалась частью внутренней жизни Ло, будоража воображение смутными картинами счастья. Она весь год приставала к отцу с просьбами взять её с собой в очередную поездку. Отец согласился, зато мать рассердилась, закричав: «Незачем потакать детской блажи!» Однако Ло канючила, пускала слюни, пытаясь заплакать, и не отставала. Видя настойчивость дочери, мать сдалась. Летом она вынула из комода платье, купленное на вырост, достала из-под кровати туфли, приготовленные к школе, и кинула всё со словами: «Катись, куда хочешь!»

В восторге от наряда, Ло уселась позади отца на солому, разбросанную по дну телеги, и отправилась в первое в своей жизни путешествие. Ей было одиннадцать лет. Новый мир бежал навстречу со скоростью грязного мерина, на удивление быстро дотащившего телегу до районного центра, улицы, переулки и тротуары которого поразили девочку отсутствием грязи на них. А воздух! Он был пропитан ощущением радости. Ло показалось, что она попала на праздник, о котором прежде лишь догадывалась. Жители городка изумили её. С ясными лицами, разодетые в красивые одежды, женщины с накрашенными губами, а мужчины с аккуратными стрижками, все они как-то странно разговаривали, без привычных для неё выражений, вроде «Чушка, куда прёшь?», и это было чудно. Ло вертелась из стороны в сторону, не замечая любопытных взглядов, которые бросали на них прохожие.

После того как лекарства были куплены, отец прокатил дочь на карусели, купил мороженое и они поехали назад. Ло лежала на дне телеге, потрясённая, закрыв глаза, и представляла, что всё ещё летит на карусели и что всё вокруг кружится, кружится, кружится... Ах! Всего несколько часов, проведённых в новой обстановке! Но и этой малости оказалось достаточно, чтобы она возненавидела родную деревню. Теперь появилась цель – вырваться отсюда, бежать от грязи скотного двора, перебраться в районный центр и превзойти по красоте городскую девочку. Но как?

Мать, с неохотой отрываясь от кухни, объяснила, что выбраться из Козюлыкино можно, бывали такие случаи, вот Тонька, например, она за границу уехала. Работает, говорят, переводчицей в Африке. Только для этого надо много учиться, надо много чего знать. Ло удивилась, что мать умеет разговаривать так складно, так ровно, так интересно. Прислонившись к косяку двери, девочка притихла и во все глаза смотрела на преображённую своим рассказом женщину, стараясь не упустить ни одного её слова.

– Учёба, – сказала мать, – она вроде как горизонт перед человеком открывает, дороги впереди показывает, много, много разных дорог! Нет, это не дорога в райцентр, те дороги лучше. Широкие, светлые, ведут далеко-далеко!

Лицо матери приняло непонятное выражение, сердитое и виноватое одновременно, как будто что-то давнее мешало ей говорить. Она тяжело вздохнула и посмотрела долгим взглядом в окно, куда-то поверх огорода, поверх видневшейся вдали фермы. Немного помолчала и с усилием продолжила:

– Оно, конечно, можно выйти замуж за городского, так даже надёжней. Но где ж его взять, в нашей-то глуши? Проще поступить в институт областной. Ты головастая. Получишь хорошую профессию, что-нибудь для настоящей женщины, и заживёшь в чистоте, с ванной. На наших баб не смотри, коровам хвосты крутить большого ума не надо. Учись, а там глядишь, и муж найдётся. Не такой, как твой отец, пьянь и рвань, змея подколодная! Главное, ищи мужика без придури, с понятиями, да чтобы с квартирой был.

Из слов матери Ло уловила главное – надо учиться, чтобы уехать из деревни. Что ж, она постарается, сделает всё, лишь бы убежать подальше от этого ужасного запаха, липнувшего к телу, как грязь к сапогам.

Замужество

К семнадцати годам из худенькой девочки Ло превратилась в разбитную деваху, умевшую одинаково ловко управляться с быками на заднем дворе и с деревенскими парнями на улице. Узколицая, с невысоким лбом и маленькими глазами, Ло не боялась «вонючих сморчков», как она презрительно называла односельчан мужского пола, давала отпор каждому, кто тянул к ней грязные руки. Вскормленная коровьим молоком, домашними яйцами и рассыпчатой картошкой со своего огорода она обладала крепкой физической силой. Её груди, большие, как у взрослой женщины, грушами торчащие вперёд, придавали ей чувство уверенности. Поймав

ухажёра за волосы, она безжалостногнула парня к земле и ждала, пока тот запросит пощады. Представляя себя девочкой с голубеньким бантиком в волосах, гордячка не могла допустить, чтобы её лапали наглыми ручищами и заваливали в траву.

Ло рано поняла, что люди ничем не отличаются от животных, особенно мужики, когда, мучимые предчувствием любви, начинают грубо, бесцеремонно толкать друг друга в бока, громко визжать и напрягаться, напоминая бродячих собак, которые носятся за тощей сучкой, огрызаясь и скаля зубы. Она презирала деревенских, считая, что сначала нужно целоваться, как в кино, а уж потом валиться под куст. «Наверное, городскую обнимает какой-нибудь красавчик, от которого тоже пахнет шоколадом! И целует, целует!» – завистливо думала Ло. С годами она стала относиться к людям с ещё большим презрением, не видя ни в ком достойного примера. Одна только девочка с бантиком в волосах и с розовыми лепестками ногтей так и стояла особняком, не вписываясь в представления о мире. И чем взрослее становилась Ло, тем больше она перед ней робела.

Ло поступила в областной институт – прыгнула с радостью в незнакомый мир, захлопнув за собой дверь, чтобы не впускать в новую обстановку запахи фермы, и пять лет училась на логопеда. Поначалу она часто принималась к себе, скромничала и молчала, но цветочные духи с одеколонами помогли справиться с деревенскими комплексами, и скоро Ло повеселела. Жизнь стала прекрасной: запахи скотного двора выветрились, а деревня отодвинулась в прошлое, изредка напоминая о своём существовании посылками с жареными семечками и салом, но с этим можно было мириться.

В конце четвёртого курса толстомордый парень с педагогического факультета поймал Ло в темноте общежитского коридора и, прижав к холодной шероховатой стене, признался, что после института пойдёт работать в «настоящие органы» и надеется, что у него будет отдельная квартира. Ло насторожилась. Толстомордый почувствовал, что ему поддаются, осмелел и предложил выйти за него замуж. Ло отвернулась от горячего, пахнущего луком шёпота, подумала о скором распределении, вспомнила слова матери и согласилась.

Парень не обманул: поженившись, они получили жильё в небольшом городке – крохотную квартирку с тёплой ванной, завладев которой, Ло решила сделать из себя даму. Купила зеркало, мочалки, дезодоранты и приступила: часами сидела в горячей воде, пропитываясь ароматом земляничного мыла, после чего крутила волосы на бигуди, красила ногти и мазалась кремами. Через полгода женщина была уверена, что всегда жила в роскоши. Коробочка с мятыми фантиками, разболтанная телега, ревущие быки, парни с нематыми ручищами – всё осталось позади! Воспоминания о прошлом изредка приходили к ней, но она отгоняла их, будто трусливых собак, на которых достаточно притопнуть ногой, чтобы они испугались. Только девочка, одна городская девочка с волосами, пахнущими свежестью, оставалась в памяти ярким событием, с которым невозможно было справиться. Как мадам ни старалась, она не могла не думать о ней. Не могла не представлять, в какую леди превратилось милое создание, некогда затмившее перед Ло скромные радости её деревенского детства.

Злость на собственную бесхарактерность, на своё неумение обуздать мысли о дивном портрете иногда перерастала в ненависть к городской. Ло казалось, что воспоминания об одном только бантике унижают и оскорбляют её как женщину, ставят под сомнение произошедшие за последние годы перемены. Будто она не важная дама, имеющая диплом, мужа, квартиру, а всё та же деревенская девчонка с облезлой косичкой в виде мышинного хвостика. Впрочем, такое настроение накатывало редко, в основном Ло была довольна жизнью. Толстомордый оказался покладистым и неприхотливым в быту человеком: ел всё подряд, ложился рано спать, на работу убегал с первыми лучами солнца, одним словом, не мешал ей трудиться над своей внешностью и экспериментировать с духами. Рождение детей тоже не отвлекло от любимых занятий. Двух мальчиков, одного за другим, она легко произвела на свет, чем привела толстомордого в неопишуемый восторг. Почувствовав себя отцом, он с радостью отдался новой роли и со вре-

менем даже отказался от совместного отпуска на море, предпочтя ему рыбалку в ближайшем озере, куда он отправлялся, прихватив палатку и сыновей, как только Ло уезжала на курорт.

Кое-что о походке

Мир раздвинул свои рамки перед Ло, диковинным образом изменив и свои пропорции: женщина перестала видеть небо, оно как будто потухло для неё, прекратив существование. Даже когда шёл дождь или снег, Ло думала, что это всё от смога. Стороны света сосредоточились теперь на юге, где она полюбила отдыхать и где можно было встретить разных людей. Туристические поездки познакомили её с большими городами, и Ло уже знала: такие города таят в себе массу интересных вещей, которые делают жизнь осмысленной. Музыка вечерних ресторанов, витрины магазинов, огни ночных проспектов неудержимо влекли её к себе, заставляя страдать и ненавидеть городок, в котором приходилось жить. О, как бы хотелось остаться в одном из больших городов, да никто не приглашал. Короткие знакомства, приобретённые во время отпуска, заканчивались до обидного банально. «Ну, будь здорова!» – говорили ей на прощанье и торопливо махали рукой, даже не пытаясь придать моменту оттенок грусти. Ло ничего не оставалось, кроме как возвращаться в Поддувалово и снова ждать весь год, надеясь, что уж в следующий раз с ней обязательно приключится романтическая история, что какой-нибудь герой в ботинках из крокодиловой кожи вдруг влюбится в неё и позовёт замуж...

Добравшись до курорта, Ло наметанным взглядом окидывала публику, с привычной зоркостью отмечая достойных её внимания мужчин. Она хорошо запомнила слова отца о том, что сильного быка, как и хорошего мужика, нужно искать по крупному зад и широким копытам. «Тогда, дочка, ни за что не ошибёшься! – говорил отец и пояснял: – Таких не столкнёшь с дороги, да и приплод получается жизнеустойчивый». Поэтому первое, на что Ло смотрела, знакомясь с мужчинами, были их ноги и зад.

Наметив объект, она устремлялась вперёд, играя всем телом, помахивая кистью правой руки, будто готовилась огреть невидимым кнутом хребет своей жертвы. Но «объект» ржал, как жеребец при виде кобылы, а вступать в тесный контакт не спешил. Огорчаясь, не понимая, что мужикам надо, Ло отходила в сторонку и незаметно присматривалась. Какая досада! Никто не реагировал на горьковатые ароматы её духов, выбранные с особенной тщательностью и напоминающие запах шоколада. Никто не спешил знакомиться с ней! Но стоило появиться женщине без макияжа, с одной помадой на губах, с волнующей мягкой походкой, без ореола парфюма, с одним лишь намёком на него, как все кавалеры направляли на неё свои взгляды. Ло с грустью наблюдала за ними, завидуя чужому обаянию. Мысль о городской тотчас приходила ей в голову.

Она не сомневалась, выросшая девочка стала уверенной в себе красавицей, такой вот дамой с раскованной, смелой походкой, с небрежной причёской, окутанной таинственными духами, приковывающей всеобщее внимание. Откуда эта грациозная ровная поступь, недоумевала Ло, разглядывая, как шествует краля. Можно подумать, что на спор несёт коромысло с полными вёдрами! Особая плавность в движениях, энергия, скрытая сила! Ло казалось ненормальным, что городская лучше неё справляется с тяжёлым делом и ведёт себя так, будто она, а не Ло носила когда-то воду от колодца. Не коромысло, а королевская накидка! Сколько Ло ни вертелась перед зеркалом, тренируясь в грации, походка оставалась такой же, как всегда, грубой и неуклюжей.

«Так в чём же дело? – думала она с отчаянностью человека, потерявшего надежды понять секреты женского очарования. – Выходит, мало шоколадного запаха. Им ещё походку подавай! Ах, найти бы волшебное дерево, чтобы съесть его плод и сделаться неотразимой! Всем назло. Тогда уж точно, мужики бы штабелями валялись у ног. Но как найти такое дерево, да и есть ли оно?» – отрезвляла себя Ло. На самом деле мысль о чудесном, мгновенном превращении так

нравилась завистнице, так успокаивала, так обнадеживала и примиряла с действительностью, что ей не хотелось с этой мыслью расставаться. Желание бурной красивой жизни всё больше овладевало проходимкой.

Встреча

Шли годы. В очередном отпуске Ло приглядела высокого молодого мужчину в очках, который с независимым видом слонялся по территории дома отдыха, не зная, чем заняться. Сложив руки за спиной, он равнодушно посматривал по сторонам, изредка останавливаясь, приподнимаясь на носки, чтобы прогнуть спину и размять шею. Немного покачавшись, шёл дальше. Дойдя до конца дорожки, проложенной посередине спортивной площадки, разворачивался и долго стоял там, осторожно поглядывая в небо. Остроносые чёрные туфли незнакомца блестели новенькой кожей, модные джинсы с заклёпками на карманах плотно обтягивали крепкий зад и сильные ноги. По тому, как мужчина изредка осматривал свою тёмную шёлковую рубашку с круглыми погончиками, слегка приподнимая при этом обе руки, чувствовалось, что он очень нравится себе. Он был здоров как бык, кудряв и молод. Да, несомненно, моложе её, если судить по гладкости кожи, лет тридцати двух, не больше, и с большим апломбом, ишь, как выворачивает плечи!

Ло караулила объект недолго. Она поймала его вечером в заросшем полынью сквере, когда мужчина присел на сломанную в нескольких местах скамейку с намерением покурить. Отпускница тихо опустилась рядом и попросила огонька. Ей понравилось, с какой небрежностью очкастый протянул золотистую зажигалку, щёлкнув пару раз для эффекта. Она прикурила неспеша, глотнула с удовольствием дыма и по привычке принялась. Восхитительный аромат парфюма летал вокруг мужчины, усиливаясь при малейшем его движении. Георгины на клумбе, поймавшие этот запах, смущённо переглянулись, а первая звезда, показавшаяся на ещё светлом небосводе, перестала мигать, сражённая видом плейбоя. Не зная, с чего начать разговор, Ло вытянула вперёд губы и посвистела. Затем в раздумье открыла сумочку. От нечего делать переложила из одного кармашка в другой расчёску для волос. Потрогала губную помаду, купленную специально для отпуска, и, наткнувшись на конфеты, неожиданно подала их молчаливому соседу.

– Угощайтесь, – сказала она, – выбирайте.

Красавчик посмотрел на женщину, на её ладони и выбрал «Снежок». Вытянул кармелёчку из-под горки шоколадных конфет, развернул и положил себе в рот.

– Мои любимые, – удивлённо протянул он.

Услышав капризный, с хрипотцой голос, Ло обмерла от восторга, очарованная низким тембром. Она приготовилась сказать, что обожает лето и море, как мужчина вдруг поднялся со скамейки и быстрыми шагами покинул сквер. Пыль, поднятая его туфлями, закружилась в свете загоревшегося фонаря, а Ло показалось, что это затрепетала королевская мантия. Она чихнула. «Вот. Как всегда! Такой же, как все. Умеет пыль в глаза пускать. Неблагодарный», – разочарованно подумала охотница, огорчаясь, что упустила добычу.

Но случай помог исправить ошибку.

Дня через три после несостоявшегося знакомства она прогуливалась недалеко от входа в дом отдыха, наблюдая за приезжающими. Ярко светило солнце, высокие платаны отбрасывали короткие тени, близилось время обеда. Кофточка с люрексом, о которую разбивались солнечные лучи, вишнёвая помада на губах и чешская бижутерия на шее не радовали Ло. К чему весь этот шик, если нет кавалера? А ей хотелось любви – горячей, стремительной, романтической! Такой, чтобы сердце провалилось и дух захватило! Но вокруг одно непонимание!

Внезапно послышался сильный шум, идущий с улицы. Проходимка остановилась. Через распахнутые ворота на территорию дома отдыха влетел огромный живой шар, клубящийся

людьми. Он катился прямо на неё, угрожая раздавить или втянуть в себя. Ло не в первый раз видела подобную картину, но, занятая мыслями о волшебном дереве, никогда не обращала на неё внимания. Вот и сейчас она хотела отбежать, чтобы высовывающиеся из клубка пальцы не схватили её, но шар вдруг замер, перестав шевелиться, будто наткнулся на невидимое препятствие, и в руки присевшей от неожиданности Ло свалился мужчина, тот самый, со скамейки, любитель «Снежка». Только сегодня он был не в джинсах и рубашке, а в помятом военном костюме: тёмно-зелёные брюки, китель, галстук. Упавшая с головы фуражка укатилась в клумбу с цветами. Увидев спасительницу и узнав её, офицер облегчённо вздохнул, а Ло, потрясённая столь неожиданным поворотом событий, засмеялась.

– Глупый! – сказала она, с нежностью разглядывая оголившиеся ноги мужчины, – зачем ты лез на это? – Она кивнула в сторону клубка. – Посмотри, ведь он же круглый, где ты видишь у него вершину? Он катится, поэтому может запросто тебя раздавить. Уж если хочешь куда-то ползти, карабкайся на пирамиду.

В это время мужчина, продолжая лежать на руках Ло, потрогал её груди, словно проверяя, настоящие ли они, и по тому ощущению, которое она испытала в этот момент, Ло поняла, что встретила своё счастье. Голова её затуманилась, глаза закрылись, мысли поплыли в сторону от волшебного дерева как от ненужного сейчас предмета. Секундное видение пыльного городишки, где в двухкомнатной квартирке её ждали толстомордый и два подросших сына, заставило усмехнуться.

Всё, конечно. Прошное взмыло в прозрачный летний воздух и унеслось за Авказские горы, затерявшись в скуке прошлой жизни.

Домой она не вернулась. Промытая минеральными водами, помолодевшая от любви и новых надежд, Ло уехала в азахскую столицу, там проходил службу её кудрявый жених. Толстомордому она телеграфировала уже с нового места жительства: *«Сам виноват надо было сообразать или развод и вещи не надейся не передумаю»*. И адрес обратный указала. Толстомордый в ответной телеграмме одно только слово швырнул, как плюнул. *«Скотина»*, – написал он и даже точку в конце не поставил. Перед этим обманутый муж долго ругался с телеграфисткой, которая ни за какие уговоры не хотела пропускать первый вариант телеграммы, где он указал другое слово, наиболее точно отражающее его отношение к поступку жены. Девушка упёрлась, не соглашаясь, и подсказала нейтральный, общепринятый вариант, которым толстомордый и воспользовался.

– Козёл, – сказала вслух Ло, получив телеграмму. Она поняла, что не дождётся посылки от мужа, и решила написать матери. Сообщила, что живёт теперь в азахской столице с молодым мужем, у которого есть квартира на девятом этаже, остроносые туфли, и он собирается отвезти её в скором времени за границу. В какую сторону, она ещё не точно знает, но то, что увезёт, в этом нет сомнений. Ло уже продумывает гардероб для поездки. Когда произойдёт путешествие, об этом ещё рано говорить, но надо быть готовой к нему.

Через месяц из Козюлькино пришёл ответ, в нём говорилось, что родители очень радуются за дочь, желают ей счастья и здоровья за границей и много «шикарной» одежды. «Поживёшь, как королева, – писала мать и советовала, прощаясь: – Купи себе круглую шляпку, как у Елизаветы, я недавно видела по телевизору, и ни о чём не думай». Ло прочитала короткие искренние строчки и почувствовала: с прошлым покончено навсегда. Она подошла к окну, взглянуть на город, и вспомнила, как мечтала когда-то жить в районном центре, в каменном доме на втором этаже, в квартире с балконом и без печки, а теперь стоит вот под самым небом и смотрит сверху вниз на столицу, пусть не центральную, но всё же столицу. О чём ещё можно мечтать? «Какая я счастливая!» – подумала она и пошла на кухню варить кофе.

Глава 3

В начале вольного пути

Как Гр освобождался от зажимов, или Перестройка

Служба в государственных органах тяготила Гр, заставляя всё чаще прислушиваться к словам Ло, старшей по возрасту, а потому более опытной в некоторых вопросах. Жена постоянно твердила, что армия, как монстр, пожует Гр и выплюнет, оставит без гроша в кармане, уж лучше сбежать от неё пораньше, пока есть силы. А кроме того, говорила Ло, где это видано, чтобы мужик так боялся начальников, чтобы и пёрнуть без их команды не смел? Гр смущённо улыбался и озадаченно молчал, вроде и соглашаясь с Ло, но ещё не готовый к решительному шагу.

Тем не менее, зажатый в рамках военной дисциплины, чувствуя себя как кролик под прицелом охотничьего ружья, проходимец всегда сопротивлялся заведённому в армии порядку. Неприятные ощущения выливались в желание доказать всем, что он выше любого приказа, что он сам себе указ. Гр надувал щёки, принимал независимый вид, старался казаться критичным, но от этого не становился смелее. Внешняя несвобода породила внутренние зажимы, они давили на Гр, вызывая в нём чувство ярости и беспомощности. Последнее особенно угнетало его. Недолго помучившись, он научился раскрепощаться с помощью водки. Хлопнет бутылку, всё нутро и расслабится, хлопнет другую, и зажимов как не бывало, хоть на сцену выходи!

Находясь в постоянном поиске стакана, офицер не сразу заметил, что в стране поднялся хаос, вызванный то ли очередной революцией, то ли экологической катастрофой, то ли колебаниями земной тверди. А когда понял, что три стихии соединились с единственной целью – разрушить государство и уничтожить границы, сообразил, что надо что-то менять в своей жизни.

Однажды, будучи трезвым, бежал он со службы домой, торопясь прийти вперёд жены, чтобы вытащить шкалик из-под кровати. Пробегая мимо Музея военного искусства, вдруг заметил сахар, тоненькой струйкой вытекающий из-под разбитого прилавка. Вид белого сухого ручейка на тротуаре сбил Гр с толку. Проходимец оглянулся.

Усталое осеннее небо, всё в мелких тучах, будто в плевах, едва удерживалось от того, чтобы не рухнуть на землю. Земля ёжилась и кривилась, пытаясь уклониться от угрожавшего ей неба. Повсюду слышались хлопки, похожие на звуки выстрелов. Тусклое солнце, едва пробивающееся между тучами-плевами, лениво освещало царящий повсюду бардак. Такого хаоса Гр не видел даже в крутых боевиках. Двери магазинов были сорваны, у банков содрали крыши, остатки разрушенных обменных пунктов перемешались с остатками продуктовых ларьков. В пыльный воздух то и дело взлетали подбрасываемые невидимой силой окорока, колбасы, драгоценности, рубли и ассигнации. На дорогах валялись ключи от сейфов, абажуры от настольных ламп и запасные части к межконтинентальным ракетам. Шалел от восторга, ещё недавно бывшие воспитанными людьми, расхристанные граждане ловили ценные бумаги, бегая за ними по улицам среди разбросанных токарных станков. Изредка они прекращали своё занятие, тупо уставившись на мигающие фонари, не зная, что делать с железными обручами, которые падали с неба на столбы, мешая электричеству течь по проводам.

Гр неожиданно для себя осознал: вокруг происходит нечто глобальное, нечто новое, оригинальное, на что нельзя не обратить внимания, что невозможно игнорировать. Он задумался. Задумался крепко, может быть, впервые в своей жизни. Затем ещё раз оглянулся, сообразив, что всё не так и страшно – да, действительность изменилась, но не в худшую сторону, в ней

появилось много ненужного никому добра, а маячившая впереди свобода уже манила его пальцем. Офицер набрал, сколько мог, сахара в фуражку, отнёс домой, попил в одиночестве сладкого чаю на кухне, не вспомнив о шкалике, и бросился обратно на улицу. Возле сухого ручейка копошились взъерошенные люди. Оставив им сахар, Гр взвалил на плечо прилавок и отнёс в квартиру. Радостная Ло выбежала навстречу мужу.

– Добытчик! Очнулся наконец! – воскликнула она, хлопоча вокруг мужчины.

На следующий день Гр уволился со службы.

Не успел он сбросить форму и застегнуть гражданские брюки, как его затрясло ничуть не меньше, чем страну от подземных толчков. Свобода, будто проверяя бывшего офицера на стойкость, со всей могучей силой ударила его кулаком в подбородок, отчего бедняга на секунду потерял сознание и упал навзничь прямо в уличную пыль. Очнувшись сообразил, что лежит на спине в центре городской площади, а вокруг бегают народ. Заинтригованный необычным ракурсом Гр стал глазеть по сторонам. То, что он увидел, показалось невероятным, тут было чему позавидовать! Огромное количество ног, прикрытых штанами или оголённых до самых карманов, ступало, куда им вздумается. Гр поразило, что ноги выбирали длину шага произвольно, ступая то узко, то широко, или вовсе вдруг замирали, поднимаясь на цыпочки. Привыкший двигаться в строго указанном направлении, соблюдая чётко выверенный размер и ритм, он опешил от такого разгильдяйства, но потом развеселился, ему всё понравилось. Захотелось тоже выделять подобные кренделя. И он решил остаться на площади, продолжая наблюдать за гражданами, чтобы научиться свободной ходьбе.

Тупые чёрные туфли, подбитые набойками, бесцеремонно остановились вблизи лежащего и громко спросили, притронувшись к Гр грязным облупившимся боком:

– Эй, парень! Тебе нечего делать?

– Отстань! – огрызнулся наблюдатель и сообщил публике, начавшей собираться вокруг него: – Я свободный гражданин! – И неуверенно добавил, для храбрости закинув ногу за ногу: – В свободной стране.

– Ха! Тыс Луны свалился?

– Нет, из кабинета вышел, сегодня уволился, снял погоны, смотри.

Гр вынул из карманов штанов погоны со звёздочками и положил их на тротуар.

– Ну, дела! Тогда понятно, лежи.

Тупоносые туфли сочувственно потоптались на месте и осторожно удалились.

Через некоторое время подошли изящные красные шпильки, они нежно пропели:

– С вами можно, сэр?

– Ага, – дёрнул головой Гр, ударившись от радости затылком об асфальт.

Он быстро подо двинулся, приглашая шпильки, те быстренько улеглись рядом. Это оказалась миловидная брюнетка с пухлыми выпяченными вперёд губами, с огромными тёмными очками на припудренном носике. Брюнетка спросила, доставая из сумочки тонкую сигарету:

– Уэ а ю фром? – и выгнула спину, потянувшись сигареткой к мужчине, за огоньком.

– Фром служба, – ответил Гр.

Он по привычке стукнул каблуками, одновременно щёлкая и зажигалкой. Из неё вылетели кусочки рваного дыма, лёгкий запах газа растёкся вблизи их лиц.

– Так вы не сэр! – гневно воскликнула девица, вскакивая на шпильки. – Обманщик! Посмотрите на него, граждане: лежит тут, притворяется! Людей с пути сбивает, да ещё со сломанной зажигалкой!

Брюнетка бросила помятую сигаретку в лицо Гр и наступила острым каблуком на кромку его новых штанов, проделав в них большую дырку. Любитель свободы расстроился: опять Ло будет ругаться и кричать, опять скажет, что он ничего не ценит в жизни. Праздник был испорчен, ничего не оставалось, кроме как подняться на ноги. Гр оглядел толпу свободных соотечественников, в ряды которых ему предстояло влиться, пошевелил плечами, с удовольствием

ощущая, что на них ничего не давит, и отправился домой, с недоумением почёсывая подбородок. А зелёные погоны так и остались валяться в пыли, их скоро растоптали грубые подошвы. Две уцелевшие звёздочки подняла маленькая девочка. Она почистила звёздочки зубной пастой, прицепила к ним белые ниточки и довольная собственной ловкостью повесила новые серёжки себе на уши.

С этого времени Гр начал тренироваться. Он всеми силами пытался удерживать себя от того, чтобы, проходя мимо трибуны на площади, не срываться и не переходить на чеканный шаг. Стопы так и чесались в попытке выбить пыль из-под каблуков. А для того чтобы отучиться от привычки вскидывать правую руку к виску при виде фуражки, ему пришлось привязать к локтю нечто вроде костыля. Сломав несколько палок, надавав тумачков прохожим, он овладел наконец своим телом и мог теперь засовывать руки в карманы штанов и держать их там сколько душе угодно. Перестал задирать подбородок и косить глаза в сторону, что дарило немало приятных минут. Но всё же бывали ситуации, когда Гр ломался. Стоило ему услышать звуки бодрой музыки, как он тут же вытягивался в струнку в намерении пройти вдоль дороги маршем. Проходимец ненавидел себя за эту слабость, поэтому срочно бежал на площадь, едва дождавшись, когда схлынет волна патриотизма. К нему привыкли. Больше никто не спрашивал, зачем он тут лежит. Все понимали: человек перестраивается, ищет свой путь.

Гр всегда ставил с одной стороны от себя бутылку, с другой стакан и очень сердился, если кто-нибудь из сердобольных прохожих, улучив момент, когда стакан был пуст, кидал в него монетку.

Кража

Потеряв надувную силу, Гр поскуцнел, чувствуя, что теряет достоинство. Этого допускать было нельзя. Недолго думая он вернулся к месту службы и, пробравшись в кабинет болитработника, стащил ССД, небольшой аппарат в виде складного насоса, предназначенный исключительно для личного пользования. Таких аппаратов было немного, они производились на нескольких отечественных заводах и распространялись по закрытым бартийным каналам, попадая прямо в апартаменты больших начальников, где те без посторонних глаз производили тайную подкачку.

С наступлением всеобщего бардака завод остановили и засыпали землёй, а на его месте укрепили табличку *«Осторожно! Убьёт!»*. Никто табличке не поверил. Жители окрестных городков устремились на раскопки, заинтригованные рассказами знатоков о Стимуляторе Собственного Достоинства. Вскоре на улицах появились странные люди, у одних из которых были сильно раздутые ягодицы, до размеров морских спасательных кругов, у других ш, ёки стали похожи на очищенные от кожуры арбузы, а у третьих уши приобрели такие габариты, что ими можно было укрываться от ветра. Все изменившиеся граждане носили с собой портфели и выглядели очень важно.

Гр притащил домой насос, но ему было лень вынимать аппарат из чехла, собирать и вставлять куда надо, поэтому за работу с большой охотой взялась Ло. Дальнейшая жизнь показала, что они не ошиблись, распределив роли, всё вышло очень разумно. Супруга неустанно трудилась у насоса, подавая воздух, а Гр, наполнившись достоинством, проворачивал всякие нужные дела, завораживая случайных проходимцев видом надутых щёк. Иногда Ло казалось, что она слишком усердствует: после вдувания на лице мужа появлялись крохотные дырочки, через которые воздух со свистом вылетал наружу. Тогда она ненадолго прятала ССД, давая Гр возможность передохнуть, а заодно почувствовать свою зависимость от аппарата. Но как только кожа выравнивалась и заживала, женщина тут же бралась за работу.

С годами щёки Гр истрепались. Они обвисли, не способные удерживать воздух, под огромным давлением поступающий из насоса. Издалека казалось, что мужчина надел на себя

маску бульдога. На людей это производило удручающее впечатление, некоторые из них пугались и начинали лаять, чем выводили Гр из себя. Он не понимал, что пора остановиться, что когда-нибудь щёки порвутся и ему будет трудно курить. Но привычка быть надутым не позволяла отказаться от шланга. Видя такую привязанность, Ло втайне радовалась, ей было приятно осознавать, что без неё муж и шагу ступить не может.

О вредных привычках и о протестах против них

Гр с любопытством поглядывал на свободный от мундиров мир. Он впервые видел его так близко от себя, поэтому не мог не испытывать чувства радостного восторга и странной растерянности одновременно. Ему казалось невероятным, что можно делать всё что хочешь, носить то, что нравится, разговаривать со всеми подряд. Проходимец озирался в поисках приключений, но видел одну разруху вокруг. Научившись справляться с внутренними зажимами, Гр не избавился от привычки действовать по команде и жестоко страдал, не зная, что делать с проснувшимися в организме силами.

Заметив беспокойство, которое испытывал её муж, Ло не растерялась.

– Объявляю себя старшим по званию! – громко объявила женщина.

От крика испуганно хлопнула форточка. Заглядывавший в комнату тополь отпрянул от окна, перестав шептаться с гортензией. А у Гр побежали мурашки по телу. Он машинально принял стойку «смирно».

– Приказываю, – чеканила супруга, – в целях безболезненного перехода к новой форме существования три раза в неделю играть в полевых командиров! Я отдаю приказы, ты должен их выполнять!

– Есть, товарищ полковник! – крикнул Гр, вскинув руку к виску.

Вначале Ло давала самые простые задания: «сидеть», «лежать», «стоять». Но, убедившись, что подчинённый, не чувствуя нагрузки, продолжает мучиться, перешла к команде «апорт». Купила резинового ёжика и принялась бросать его как можно дальше от себя каждый раз, когда видела страдания супруга, который преображался, услышав приказ. Гр принимал высокий старт и стремглав мчался за резиновым ёжиком. Обнаружив игрушку в придорожных кустах, толкал под мышку и довольный возвращался назад. Ло трепала мужа по хребту и снова бросала ёжика в окно, стараясь перекинуть через дорогу, чтобы усложнить задание.

Уверенная, что подобные тренировки обеспечат Гр плавный переход к гражданской жизни, она сильно увлеклась и вскоре перестала замечать, что завладела всеми днями недели, не оставив мужику ни одной свободной минуты. Командирша кричала всё громче, требуя от него скорости, всё настойчивее заставляла его рыскать по закоулкам и пустырям. Однажды Ло с такой силой бросила игрушку, что та, кувыркнувшись несколько раз в воздухе, промелькнула над крышами соседних домов и упала в районе стадиона, расположенного возле лесочка, где они с мужем иногда прогуливались.

Гр встрепенулся и кинулся за целью. Он вылетел на открытое пространство, где начал носиться кругами, на бегу соображая, куда могла завалиться поноска? Солнце с грустью смотрело на человека, пуская стрелы под один из кустов, будто давало подсказку. Из леса вышли две бабы с лукошками, полными грибов. Они остановились, поражённые скоростью, с которой мчался Гр, и стали наблюдать.

– И-и-ишь ты-ы-ы! – протянула одна. – Какой шустрый! Чистый заяц.

Баба присела на корточки для удобства, а лукошко поставила на землю.

– Может, капусту ищет? – предположила другая, помоложе. Она крикнула: —Эй, милый! Ты не капусту ищешь? Так у меня много в огороде!

Молодуха сняла с головы платок и сунула его в корзинку с грибами.

– Может, и капусту. Только не на твоём участке, – засмеялся Гр, останавливаясь рядом с ними и стягивая с себя мокрые от пота рубашку и штаны.

– Эх, жалко... А то б зашёл? – не обижаясь на грубость, с надеждой спросила вторая баба, разглядывая незнакомца и пытаясь двумя руками взбить волосы, приплюснутые к голове платком. Заметив её эгоистический нескромный взгляд, мужчина твёрдо произнёс:

– Не могу, дома подруга ждёт.

В этот момент деревья пригнулись от громкого крика, все услышали:

– К ноге-е-е!!!

– А вот и она, – испуганно оглянулся Гр, прикрывая голову руками.

– Точно, заяц! – засмеялись бабы.

Они с хохотом обошли удальца кругом, чтобы проверить, нет ли у него круглого хвостика за спиной? Ничего не обнаружив, сочувственно покачали головами. Та из них, которая зазывала Гр в огород, сунула ему в руки свою корзинку:

– На вот, возьми! Чтобы твоя Дульсинея не ругалась. Борзую из тебя сделала, а ты и рад? Если что, приходи. Я всегда тут, сама буду за тобой бегать, без всяких приказов, – и грустно спросила, протягивая ёжика: – Не это ли искал?

– Это! – крикнул Гр, схватил игрушку и рванул по направлению к дому.

Баба с жалостью смотрела вслед убегающему мужику. Она почему-то страшно расстроилась. Чтобы заглушить душевную боль, решила сделать химическую завивку, сегодня же. На всякий случай, а вдруг этот шальной с сильными ногами ещё раз появится?

Ло была довольна, что подчинённый вернулся с добычей.

– Какой хорошенький! – воскликнула она, вынимая из корзинки ситцевый платочек, внимательно разглядывая его простенький рисунок. – Откуда он у тебя?

– Зайцы принесли, – нагло соврал Гр, – вместе с лукошком подарили.

– Никогда бы не поверила, что зайцы любят рыжики! Видимо, это были голодные зайцы, – удивилась Ло.

Она повязала платок на шею и пошла жарить грибы.

– Очень голодные, – недобро усмехнулся Гр, провожая жену тяжёлым взглядом.

После встречи с бабами проходимец заметно охладел к игре. Стал часто задумываться, будто что-то припоминая, что-то соображал и поглядывал на дверь. Мысль о том, что свобода напрямую связана с его личным желанием зайти или выйти через эту дверь, наконец пришла ему на ум. Гниль уличных настроений как отражение всеобщего хаоса прочно поселилась в сознании Гр, подвергая приказы жены сомнению. Однако Ло не заметила перемены, произошедшей в настроении мужа. Она всё с тем же рвением продолжала подавать команды и швыряла резинового ёжика в окно. Однажды, когда игрушка в очередной раз улетела на пустырь за школой, Гр не выдержал. Схватив кресло, в котором только что спал, он выскочил из дома и устроился отдыхать в тени старой груши.

– Апорт, говорю, апорт! – раздалось у него под ухом.

Гр равнодушно вынул кукиш из кармана и, не открывая глаз, подал его супруге. Ло не поняла намёка. Она взяла кукиш, плюнула несколько раз и бросила через плечо.

– Апорт! Ату! – кричала женщина, не обращая внимания на злобное урчание мужа.

Откуда-то выбежал грязный щенок с разорванным ухом. Щенок остановился возле кукиша, обнюхал вещицу со всех сторон и принялся заливисто тявкать.

– Фас! – вдруг рявкнула Ло.

Невинные тучки в небе содрогнулись, солнце моргнуло, напуганное криком, а груша застыла, перестав шевелить ветками. Гр почувствовал резкий толчок в затылок. Бедняга взвизгнул, выпрыгивая из кресла, и вцепился в мягкий бок Ло, повалив её на землю.

– Фу! Фу! – завопила командирша, перепуганная не на шутку.

Но Гр не слышал. Нависнув над женой всем телом, он пытался жевать её зубами. Изумлённые прохожие с трудом отодрали его от несчастной. Гр встал, свирепо отряхнулся, наклонился к забившемуся под кресло щенку, взял собачонка на руки и отправился по направлению к лесу. На секунду остановившись, быстро вернулся к Ло, которая замерла посреди двора и тяжело дышала. Стараясь не прикасаться к жене пальцами, Гр снял цветастый платочек с её шеи и ласково завязал его в виде галстука под мордочкой щенка.

– Зайцу назад отнесу, – с издёвкой сказал он и весело побежал со двора.

Ло опешила от дерзости Гр. Смазав зелёнкой места укусов, она долго размышляла над случившимся, не зная, как поступить, чтобы приструнить разбушевавшегося мужа. Остановилась на том, что Гр необходим длительный отдых. «Ничего, пусть поскачет, забудет, через месяц вернёмся к тренировкам, негодник и не заметит, как снова начнёт таскать поноску. А на его взбрыкивание есть управа – насос-то, вот он лежит в бархатном футлярчике на полочке кухонного шкафчика, ждёт своего часа. Никуда не денется муженёк, прибежит как миленький на дозаправку!»

Глава 4

О мелких и больших проблемах

Методы воспитания

Уволившись, Гр стал очень нервным. Ло никогда не знала, в каком настроении он вернётся домой: можно было ждать насвистывания бодрого советского марша, что означало прекрасное расположение духа, или ругань с порога. Чтобы контролировать ситуацию и не ставить себя под внезапный удар, Ло пошла на маленькую хитрость. Зная, что Гр обожает конфеты «Снежок», она всегда держала их наготове. При первых же симптомах плохого настроения супруга Ло доставала из мешочка заранее развёрнутую конфету и быстро совала её в рот Гр, наблюдая, как меняется выражение его хмурой физиономии. По мере того как «Снежок» рассыпался сладкими крошками у него во рту, мышцы лица расслаблялись и на нём появлялась счастливая улыбка.

Постепенно Ло добилась того, что за пару конфет Гр выносил мусор и бегал за хлебом. За три делал генеральную уборку, за четыре ходил на базар, а за семь готов был побелить всю квартиру вместе с подъездом, но Ло на это никогда не шла, считая, что незачем попусту баловать человека. С помощью конфет она ловко управляла жизнью Гр, указывая ему, как одеваться, что говорить, что делать и когда ложиться спать. Иногда она даже наказывала его – за враньё или грязные руки и не давала конфет. Самое удивительное, что Гр и пикнуть не смел, зная, что стоит ему проявить настойчивость, как его тут же поставят в угол. Однако в методах воспитания случались осечки – Гр иногда бунтовал.

Как-то по неосторожности он прожёл зимний свитер. Обычное дело – обедал с приятелями, пил пиво, курил в ресторане, расслабился, искра отлетела и упала на грудь, образовав в одежде небольшую дырку. С кем не бывает. «Пустяки!» – подумал Гр и, заплатив за общий обед, отправился домой. По глазам вышедшей ему навстречу жены он понял, что случилось ужасное и Ло догадалась о его широком жесте.

– Прощелыга! Вредитель! – визгливым голосом закричала она. – Опять выкаблучивался? Опять натворил?

Гр остановился на пороге комнаты и покраснел. Ему показалось, что даже его борода запыхала, так ему стало жарко.

– В твоём возрасте пора соображать, что делаешь! – орала супруга. – Как ты мог?!

Гр не в силах был попятиться или что-то спросить.

– Как ты мог, я спрашиваю! Как ты мог так ударить по нашему бюджету?! – продолжала наступать Ло, а у Гр подкосились ноги, он еле слышно прошептал:

– ...Больше не буду...

Быстрое признание не устраивало женщину, наоборот, оно ещё больше подстегнуло её.

– Отвечай, паршивец, как ты мог?! Как?! – Ло воздела руки к потолку и потрясла ими в воздухе.

Видя такую патетику, Гр решил защищаться:

– Обычно, как это делают все мужики. Иногда, – сказал он и хотел присесть на диван.

– Негодяй! Ты ещё смеешь издеваться! – Ло поперхнулась от крика, закашлялась и перешла на шёпот. – В угол! Немедленно в угол! – шептала она, пытаясь дотянуться до уха Гр.

Передумав садиться, чтобы не дать Ло возможности вцепиться в него, Гр покорно встал в угол за старый шкаф.

– Снимай! – приказала жена, грозно вытянув правую руку в его сторону. В левой она держала солдатский ремень, который прежде никогда не использовала для наказания, а лишь пугала им Гр. Сейчас было похоже на то, что Ло решилась пустить оружие в действие.

– Как хочешь...

Сняв куртку, Гр неторопливо взялся за штаны, принявшись их расстёгивать. От злости, от неожиданности Ло задохнулась и буквально упала в стоящее рядом с диваном кресло.

– Циник. Ах, какой же ты мерзкий циник! – пролепетала она. Слезы закапали из её глаз. Как всякий мужчина, Гр не мог этого вынести.

– Ну, сделал! С кем не бывает! Я уже не мальчик! Имею право! – закричал он и ударил кулаком по стенке шкафа.

Шкаф захрятел в ответ, неуклюже зашатался, от него отвалилась одна дверца. Кряхтение слилось с отдалённым весенним громом, через секунду насмешливый дождь забарабанил в окно.

– Всё! Не получишь конфеты до тех пор, пока не объяснишься, – заявила Ло, решив прибегнуть к последнему средству давления на мужа.

– Ну и дура! – осмелел Гр, выходя из угла.

Он демонстративно стянул с себя одежду, бросил её на диван и скрылся в ванной комнате. Когда через несколько минут вернулся обратно, Ло сидела под абажуром настольной лампы, придвинув кресло к столу, и зашивала прожжённый свитер. Она недовольно пыхтела носом, но чувствовалось, что злость её прошла.

– Возьми и не думай, что купим новый, так и будешь ходить с заплаткой, негодяй! Вредитель. А конфеты не получишь до самого Нового года.

Гр посмотрел на календарь, висевший над диваном, там значилось первое февраля.

– Так это из-за дырки?! – наконец сообразил он. – Из-за неё ты лишаешь меня единственного удовольствия в жизни... в жизни с тобой?!

Ло осуждающе молчала. И тогда Гр захохотал – громко, на всю квартиру, так, что от звуков его голоса отлетела вторая дверца шкафа. Дождь тотчас перестал барабанить, словно только и ждал приказа. Вместо него в окно заглянуло хохочущее солнце. Оно принялось кидать пучки ярких брызг в унылую комнату, очевидно, желая развеселить людей. Гр посмотрел на упавшие дверцы и вдруг прыгнул на подоконник. Быстро высунул руку в форточку и достал откуда-то из щелей между кирпичами старую пачку из-под сигарет, из которой выглядывали рубли.

– Вот, – сказал он язвительно, сунув пачку под нос Ло, – вот что у меня есть.

После чего скинул халат, оделся, не обращая внимания на попытки жены выхватить деньги из его рук, и вышел на улицу. Злорадно посмеиваясь, забежал в кафе за углом дома, где наелся до отвала песочных пирожных с кремом. Сыто икнув, запил всё «Колой», прихватил бутылку виски и вернулся домой – показать Ло, что ему наплевать на её запрет покупать сладости. Перед самой дверью нарочно размазал по губам остатки крема, чтобы у жены не осталось сомнений по поводу того, где он провёл последний час.

Ло сидела в кресле и продолжала дуться, будто её смертельно обидели. Она побледнела при виде измазанного взбитыми сливками лица мужа и поняла – наступил беспредел.

– Щенок! – сказала она. – Мальчишка! – 14, резко поднявшись, направилась на кухню варить молочный кисель, который так успокаивал её нервы.

Гр посмотрел на расплывшуюся талию жены и почувствовал, как в его груди зреет желание протеста. Ему захотелось выкинуть фортель покруче поедания песочных пирожных. А что, если уехать в Увстралию? «Наймусь водителем грузовика, – с вызовом подумал он, – и буду развозить бананы! Пусть попрыгает без меня! Пусть посмотрит, каково это!» Гр опрокинул бутылку виски, лёг на диван и стал подсчитывать, в каком месяце ехать в Увстралию, чтобы там была зима.

Но подобные протесты случались редко. В основном Гр мирился со статусом мальчика-мужа, научившись заранее вставать в угол, если чувствовал за собой вину. Проходимца устраивало, что вся ответственность за его поступки заканчивалась в углу за шкафом, у которого отвалились дверцы. А если прозрение всё же посещало Гр, наводя на мысль о неудавшейся жизни, он с ненавистью смотрел на Ло в такие минуты, и в его груди снова росло желание бунта. Правда, думать об Увстралии было лень – с некоторых пор бывший офицер научился выпускать из себя мощные флюиды мужской силы, на которые слетались разноцветные стаи окрестных стрекоз. Они садились на голову, плечи и руки Гр, мешая ему сосредоточиться на плане мятежа. Поэтому у Гр хватало решимости лишь на то, чтобы сбежать в ближайшую гостиницу и напиться там в стельку в окружении наглых стрекоз. Не начавшись, бунт заканчивался: очнувшись от недельного протеста, Гр судорожно ощупывал себя, проверяя, сколько новых дырок появилось на его старом свитере...

О любви

За свою жизнь Гр влюблялся два раза. Первый раз он ничего не понял, потому что был трёхлетним ребёнком, когда гонялся за маленькой девочкой, приходившей к ним в гости вместе со своими родителями. Бегая за ней по квартире, он хотел уронить её, чтобы упасть сверху и целовать прямо в губы, точно так, как это проделывал герой взрослого фильма, заваливая молодую женщину на диван. На фильм Гр однажды взяла мать, упросив билетёршу пропустить мальчика. «Всё равно ничего не поймёт!» – сказала она. Фильм Гр действительно не понял, но хорошо запомнил тот эпизод. Иногда ему удавалось поймать девочку, и тогда все начинали смеяться, подбадривая его громкими возгласами, а девочка плакала. Гр проникался жалостью к ней и отпускал от себя.

Второй раз – это была Ло, в общем-то, случайная женщина, оказавшаяся в нужном месте в нужный час, к тому же старше его на девять лет. Правда, и с ней Гр тоже ничего не понял, потому как был очень напуган, свалившись в её хваткие объятия, а когда очнулся, всё решилось как-то само собой. Он подозревал, что к Ло его привязало чувство благодарности за то, что женщина спасла его от удара о землю, ну, и грудь её сыграла не последнюю роль. В третий раз Гр влюбился через год после увольнения из армии в незнакомую девушку, выглядевшую так беззащитно на тонких каблуках, что ему захотелось взять её на руки и унести далеко-далеко, на край света, где нет ни Ло, ни насоса, ни резинового ёжика!

Влюбился и сразу понял – по-настоящему! Ещё никогда в жизни не чувствовал он, чтобы так взволнованно билось его сердце и учащалось взбудораженное дыхание. Гр показалось, что он взлетел на воздух. Сам, без помощи Стимулятора Собственного Достоинства! И начал парить как птица над землёй! От ощущения счастья захотелось смеяться и петь песни.

Однажды он не выдержал и попробовал помахать раскинутыми в восторге руками, но устыдился, увидев, что прохожие остановились и принялись с любопытством его разглядывать. Догадавшись по их добродушным лицам, что люди далеки от осуждения, что они просто радуются вместе с ним, он звонко крикнул «Мерси!» и, обмирая от счастья, надолго завис в воздухе.

В душе росло и крепло предвкушение долгожданного праздника, будто из далёкого детства к нему вернулся день, когда, проснувшись поздним зимним утром в тёплой постели, он торопливо выпрыгивал из неё, совал ноги в тапочки и натыкался на прохладное «что-то», лежащее внутри. Гр до сих пор помнит, как радостно он вытряхивал из тапочек свои любимые конфеты «Снежок», точно зная, что это только начало праздника, что основные сюрпризы ещё впереди, потому что вчера ему исполнилось шесть лет, а сегодня...

Он помнит, как бежал в большую комнату. Там никого нет, но Гр уверен, что за ним наблюдают, поэтому кричал кому-то «Привет!», подбегал к столу и нетерпеливо открывал небольшую коробку, стоящую под вазой с еловыми ветками. Из груды яркой упаковки показы-

вался блестящий чёрный вездеход с дистанционным управлением. У Гр округлялись глаза, он оборачивался: сестра приехала! Вот она – сидит на маленьком стульчике, радостная и довольная, прячась за старым комодом. Гр бросается к ней на колени, целует, целует и возбуждённо спрашивает:

– А что ты мне ещё привезла? Покажи!

– погоди! Так нечестно – всё сразу! Остальное после завтрака!

– Честно! Честно! – мальчик тербит сестру и снова целует её в щёку.

Девушка сдаётся, она вынимает из сумки несколько пакетов.

– Я сам! Я сам! – кричит маленький Гр. И, усевшись на пол, принимается разбирать чудесные пакеты, по очереди доставая книги, карандаши, пластилин и альбом с марками. Он осторожно перебирает подарки и даже нюхает некоторые, потому что ему очень нравится, как они пахнут! Сестра приехала! Какая радость!

Одевшись, не выпуская вездехода из рук, счастливчик спешит на кухню. Там мама приготовила праздничный завтрак в честь гостей: ватрушки, омлет и уже заварила очень крепкий, пахучий, коричневый по цвету чай, налив его в кружку с молоком, как это любит сестра. Отца у них нет, некогдай бросил семью три года назад, о нём не вспоминают. Гр в этот день не идёт гулять и вечером ложится спать очень поздно, усталый, переполненный впечатлениями от рассказов о далёкой Москве. От города, где они живут, туда нужно ехать поездом, целый день и всю ночь, так сказала сестра и пообещала, что Гр обязательно побывает в столице, когда вырастет! Укладываясь в постель, Гр улыбается. Его рука тянется под подушку, нащупывая последний подарок. Едва взглянув на прозрачную коробку, полную оловянных солдатиков, он засыпает и крепко спит до самого полудня, пока сестра не заходит к нему, чтобы разбудить к обеду. У неё каникулы, значит, скоро Новый год!

Гр влюбился – ощущение долгого праздника впереди не оставляло его ни на минуту. В ушах звучала забытая новогодняя мелодия, возвращающая в детство. При воспоминании о тапочках ему захотелось заполнить всю обувь любимой какой-нибудь ерундой, способной рассказать о его чувствах. Он подумывал о полевых маках или колокольчиках, но до лета было далеко, и Гр поставил стеклянную вазу рядом с кроватью девушки, широкую, просторную, и каждое утро смотрел, как солнце, заглядывая в окно спальни, отражалось в чистой воде миллиардами крохотных искр, похожих на снежинки. Зима дышала холодом в раскрытую форточку, но Гр было жарко. Он ликовал. Иногда, просыпаясь по ошибке в супружеской постели, он с ужасом глядел на Ло, не понимая, откуда взялась эта короткая, с узкими плечами и большой грудью женщина, чьё имя он не мог вспомнить.

Ло не обижалась на молодого мужа, с высоты своего возраста понимая неизбежность подобных «вывертов». Успев хорошо изучить Гр, она отнеслась к нему, как любящая мать относится к невинным шалостям сына, мягко и с пониманием. И всё же... всё же ей было очень грустно, очень тоскливо. Ло молча переживала измену мужа, с надеждой думая о том, что опытность и терпение, которыми она обладала, победят «недозрелую одалиску». А пока ничего не оставалось, кроме как смотреть завистливыми глазами на Гр, который, перепутав времена года, бегал в лаковых туфлях по сугробам, и ждать, когда ему надоест романтика любви.

Шло время, близилась весна. Снег стал чёрным по обочинам дорог, первые лужи несмело растекались там, где землю припекало солнышко. Всё вокруг говорило о пробуждении природы, о начале чего-то нового, хорошего. Но вместо прилива энергии Гр почувствовал страшную усталость, словно праздник, обещавший быть долгим и выполнивший своё обещание, подошёл к концу. Прохожие больше не улыбались ему, и не было сил, чтобы раскинуть в стороны руки, такая апатия вдруг навалилась на Гр. Не думалось ни о маках, ни о тапочках, только короткие мысли о Ло всё чаще приходили в голову – хотелось жареного мяса. Так бывало в детстве перед расставанием. Мальчику становилось грустно. Сестра укладывала чемодан, уговаривая братишку не вешать носа и подождать до лета. Слушая её ласковый голос, Гр начинал

ненавидеть сестру за то, что она покидает его, и ждал, когда же она наконец выйдет из квартиры, чтобы поест колбасы.

В детстве было понятно: сестра уезжала, с её отъездом заканчивался праздник, но почему сейчас, когда всё оставалось на своих местах, праздник исчез из души, как будто его там не было? Гр не стал напрягаться в поисках ответа. Чтобы не мучить себя напрасными домыслами, он просто не пришёл однажды к любимой и даже не позвонил, потому что в тот вечер вообще не вспомнил о ней. Ло нажарила полную сковородку свинины с луком, и Гр жадно ел, запивая мясо холодным пивом. Потом он уютно прилёг на родной диван и тупо, без единой мысли в голове смотрел телевизор. Ло радостно гремела посудой, напевая песенку «Где-то на белом свете». Гр ни на что не обращал внимания, чувствуя себя так, будто вернулся из командировки, подобно той, о которой говорил генерал, любитель наступать на чужие мозоли. Он провалился на диване несколько дней подряд, равнодушно съедая то, что на большом подносе приносила ему жена. Не замечал её модной короткой стрижки и равнодушно смотрел на бюст, подчёркнутый глубоким вырезом платья. Всё женское утомляло его. Ло с нежностью порхала вокруг мужа, терпеливо ожидая момента, когда он очнётся.

Гр выспался, отдохнул, почувствовал, что угнетавшая его хандра отступила. Душная квартира на девятом этаже показалась ему ненавистной. Ранним мартовским утром он нехотя встал, потянулся всем телом, подрезал отросшую за неделю бороду, съел огромный кусок пирога с капустой и ушёл, кивнув жене на прощанье:

– Я скоро...

Вернулся Гр домой через неделю, пьяный, с букетом первых весенних тюльпанов в руке.

– Это тебе, дорогая.

Он сунул цветы в руки отшатнувшейся Ло, попробовал поцеловать её мокрым, нехорошо пахнущим ртом, не дотянулся и грохнулся на пол. Ло впервые побила Гр его же тюльпанами. Размазала нежный букет о грязную рожу супруга, а потом села на диван и горько заплакала, первый раз в своей жизни...

Почему Гр не остался в Буголии

При увольнении из войск Гр получил выходное пособие, которого хватало на одну только пуговицу от шубы, о которой мечтала жена. Не обращая внимания на обиженно скривившуюся Ло, он купил в сувенирной лавке два складывающихся малахая, которые навели его на какую-то мысль, а когда через месяц получил пенсию, предложил сходить пешком в Буголию.

– Ты же мечтала о странствиях! – сказал Гр, примеряя головной убор. – Заодно посмотрим, как там насчёт бизнеса. Надоело лазить по шарам, того и гляди, разобьюсь.

– Курица не птица, Буголия не граница! – возмутилась Ло, но от путешествия не отказалась.

Они легко добрались до соседнего государства, по пути рассуждая о кумысе и природной наивности людей, среди которых предстояло найти место для будущего предприятия. Какого – это должны показать обстоятельства. Буголия выглядела заманчиво. Её просторы были пусты, находясь в ожидании, что их кто-нибудь займёт, воздух чист, а народ приветлив. Бугольцы могли в любое время дня и ночи распахнуть перед путниками двери своего жилища и, накрыв бешбармаком, уложить спать. Но супруги не соглашались, видя в гостеприимстве тонкий подвох. Они предпочитали ночевать в открытой степи, прикрывшись малахаями, которые одним движением руки превращались в нечто наподобие крохотной юрты. Сшитые из белого войлока, украшенные яркой аппликацией по нижней кромке шапки как нельзя лучше подходили для индивидуальной палатки.

Однажды Гр проснулся от того, что рядом кто-то громко высморкался. Он выглянул наружу. Невдалеке стоял светлый новенький автобус, возле которого на корточках сидел буго-

лец, видимо, водитель. Абориген старательно прочищал нос с помощью белых салфеток. Он доставал их, одну за другой, из глубины широкой одежды, аккуратно разворачивал и, высморкавшись, бросал в степь. Подхваченные ветром бумажные салфетки разлетались в разные стороны, распластавшись над зелёной травой будто стая белых голубей. Гр подумал, что неплохо было бы устроить здесь стрельбу по мишеням.

– Здравствуйте! – дружелюбно сказал буголец на хорошем русском языке. – Я повезу вас на экскурсию, чтобы вы могли сделать рекогносцировку местности. Это у нас услуга такая, бесплатная для туристов. Вы определитесь и начнёте действовать.

– Мерси, – ответил Гр, поражённый грамотностью проницательного шофёра и политикой местного правительства.

Свернув малахай, он полез в автобус, куда уже смело прыгнула Ло и где сидело несколько спящих пассажиров, по виду тоже иностранцев. Автобус тронулся, Гр с любопытством уставился в окно, размышляя над тем, каким образом использовать эти бескрайние просторы с выгодой для себя. Словно подслушав его мысли, приветливый буголец обернулся и произнёс, с весёлым видом кивая головой направо:

– Можно поставить автозаправку во-о-он у той сопки! Самое подходящее место: безветренно, есть тень, а левее, позади холма с цветами, будет красиво смотреться открытый тренажёрный зал, он хорошо впишется в пейзаж. Под сопками слева рекомендуем соорудить баню, наискосок от неё удобно вырыть озеро, там очень солнечно и сухо.

Гр молчал, не успевая вертеть головой и не замечая никакой разницы между абсолютно одинаковыми, на его взгляд, сопками, но идеи ему понравились. Он довольно подмигнул Ло, радуясь правильному решению насчёт путешествия. Автобус вывернул на асфальтированную широкую дорогу, буголец продолжил, указывая подбородком куда-то вперёд:

– Здесь у нас Сити-банк, где можно взять большой кредит под ваши малахай.

Гр приподнялся на сидении и, действительно, увидел несколько громадных, сплошь зеркальных, зданий, возвышающихся над сопками.

– А вот и Отель-Сити, – обрадованно добавил водитель, – мы предлагаем вам гостиницу со звездой при входе, она бесплатная для тех, кто впервые в Буголии, к тому же имеет собственный транспорт, вам будет удобно ездить по нашей красивой стране.

Автобус остановился у многоэтажного здания, выстроенного в виде гигантского казана без крышки, рядом с которым стоял другой автобус, такой же, как и тот, на котором они приехали, только наполовину стеклянный и с жёлтыми фарами, похожими на глаза гигантской стрекозы. «Для ночного видения», – догадался Гр. Он прислушался к бугольцу, объясняющему Ло, как пользоваться транспортом.

– Это несложно, – говорил мужчина, – входить нужно только через первую дверь, ту, что ближе к водителю, бросать по одному буглику в кассовый аппарат и ехать, куда вам угодно. Кондукторов у нас нет, всё построено на доверии и сознательности пассажиров. Нет, нет, – остановил он направившуюся к первой двери Ло. – Выходить через вторую, которая посередине салона. Да, верно, впредь не путайте.

Буголец вежливо улыбнулся, помахал рукой на прощанье и поехал дальше – развозить спящих туристов. Путешественники вошли в отель.

– Мне здесь нравится, – бодро сказала Ло, проходя мимо швейцара, гостеприимно распахнувшего перед ними дверь.

– Пожалуй, – неопределённо буркнул Гр, его почему-то озадачил наказ бугольца бросать один буглик в кассовый аппарат. Смахнув задумчивость с лица, он добавил более энергичным голосом: – Предлагаю сегодня же отправиться на разведку!

Кинув рюкзаки на кровать, супруги сели в автобус и, доехав до первой остановки, вышли в открытое пространство, где ничего, кроме одного высокого фонаря, не было.

– Какой размах! – воскликнула Ло, торжествующим взглядом окидывая степь. – Целый стадион можно построить!

Она подёрнула носом и шумно втянула степной воздух, пахнувший чем-то очень знакомым. Мимо пронёсся табун лошадей. Их гривы и хвосты развевались по ветру, напряжённые спины вытягивались, глаза горели огнём, копыта впечатывались в землю, приминая траву и пугая тушканчиков.

– Фу! Этого только не хватало!

Ло была вне себя от ярости, что взяла слишком мало парфюма. Спасаясь от неприятного запаха, она обрызгала себя одеколоном.

– Точно! Построим ипподром! – согласился Гре женой. Он проводил мечтательным взглядом умчавшийся вдаль табун. – Скакунов разведём, бега организуем...

– Никаких скакунов! – отрезала Ло. – Стадион нужен для ходьбы с коромыслами! Школу грации организуем. А по краям посадим какао-бобы, через год шоколадную фабрику откроем.

Она вылила остатки одеколона на степь, чтобы перебить след лошадей, напомнивших ей о Козюлькино. В траве закопошились жуки, запрыгали одурманенные непривычным запахом гусеницы. Кузнечики встали на задние лапки и принялись с отвращением плевать друг в друга, а бабочки, на которых ядовитые пары подействовали особенно сильно, упали на спины и замерли, раскинув крылья. Ло ничего этого не заметила. Впервые за последние годы она смотрела в голубое небо, прикидывая, что можно придумать для прыжков на батуте, чтобы не удариться о тучи.

Гр в это время считал шагами предполагаемую площадку под швейную мастерскую. Он вспомнил слова генерала из Межгалактического городка о том, что люди, зажатые робостью характеров, никогда не перестанут одеваться, поэтому нужно играть на их слабости и давать то, что они хотят, – одежду.

День за днём Гр с Ло всё дальше углублялись в степь, очаровываясь собственными планами и восторгаясь открывающимися перед ними возможностями. Сити-банк давал беспроцентный кредит на пятьдесят пять лет, оставалось только отнести малахаи и приняться за дело. Как знать, возможно, в степи и вырос бы стадион вместе с шоколадными деревьями по его периметру, если бы не бугольский общественный транспорт, странным образом повлиявший на впечатлительного Гр.

Каждый раз при входе в автобус ему казалось, что водитель смотрит на него с нескрываемым подозрением, не веря в сознательность туриста, будто заранее обвиняя того в мошенничестве. «Подлец. Метит меня, словно я хочу обмануть и вместо буглика бросить клочок газеты!» – думал несчастный, весь наливаясь страхом. Взгляд бугольца так и буравил Гр, у которого от ужаса непроизвольно сжимались пальцы, ему долго не удавалось бросить денежку в кассу. Промучившись несколько минут, он просил жену, чтобы та вытянула буглик из его кулака, и проходил в салон.

Однако и в салоне беспокойство не оставляло его. Было такое ощущение, что все сговорились, для того чтобы устыдить, уличить Гр в нечестности. Бедняга ловил на себе неодобрительные, несущие угрозу взгляды. Со всех сторон то и дело слышалось: «Видели?... Иностранец... стилига... не бросил, проскользнул...» Ему хотелось встать и крикнуть на весь автобус: «Я кинул! Кинул! Один!» Но Гр не кричал, справедливо опасаясь, что вызовет ещё большее подозрение, и в следующий раз старался держать денежку таким образом, чтобы водитель и все пассажиры могли хорошенько рассмотреть её. Тем не менее в следующий раз всё повторилось сначала.

В один из дней они с Ло уехали особенно далеко и чувствовали себя усталыми. Близилась ночь. Остатки солнечного света, будто следы затерявшихся в небе стрел, плавали над степью. Несмелые лучи словно пытались продлить жизнь дню, на самом деле робея перед наступающей темнотой, которая приглушила краски природы: сочная днём, в эти минуты степь каза-

лась блеклой, всё вокруг выглядело размытым, нереальным. Услышав гудки приближающегося автобуса, Ло обнаружила, что у них закончились мелкие буглики. Автобус пел за сопкой, предупреждая о своём прибытии, а Гр не мог поверить в случившееся.

– Как мы поедem? – спросил он в страшном испуге.

– Как всегда, – не понимая, в чём дело, ответила жена.

– Может быть, на такси? – увиливая от её вопрошающего взгляда, предложил Гр.

– Ещё чего не хватало! С чего такая роскошь? – возмутилась Ло.

– С того, что у нас нет бугликов, – прошептал Гр, умоляюще глядя на злую супругу.

– Это не причина расфункивать деньги! У нас есть монетки. Вот, смотри! – И Ло показала полную ладошку туглов.

– Нет! – не соглашался Гр. – Так нельзя!

– Кто сказал? – удивилась Ло.

– Буголец.

– Успокойся, дорогой, ты неправильно понял. Можно бросить десять монеток по десять туглов вместо одного буглика, сумма-то не меняется. Забыл?

Но муж стоял на своём, твердя, что водитель говорил исключительно об одном буглике. Мощные фары выхватили из темноты испуганную фигуру Гр, на секунду ослепив его. Устав от глупого спора, Ло отсыпала в карман упрямца немного мелочи и спокойно зашла в автобус. С бешено бьющимся сердцем Гр обречённо отправился вслед за женой. Бросив дрожащей рукой мелочь в аппарат, он поймал взгляд водителя и страшно побледнел. Буголец смотрел на него не моргая, зловеще улыбаясь. В неярком вечернем свете улыбка блеснула словно нож. Гр неистово вскрикнул и выбежал вон. Резко повернувшись, он больно ударился о бугольца, направляющегося в автобус. В ответ мужчина откинулся назад, прицелился и умелым движением головы врезал иностранцу в лоб. Гр потерял сознание. Когда очнулся, вокруг стояла крошечная тьма: ни Ло, ни водителя, ни автобуса, одна чёрная степь. Нашупав дорогу, Гр пополз вперёд. В отеле он был под утро.

– Не-е-т, так дело не пойдёт, – просыпаясь от шагов мужа, недовольно проворчала Ло. – Если тебе не хватает духу бросать туглы в кассу, нам нечего делать в Буголии.

– Это не по правилам, не по правилам! Шофёр предупредил именно об одном буглике, – не уступал Гр, стыдясь признаться в том, что боится показаться мелочным, неплатёжеспособным.

– В таком случае, мы должны вернуться домой.

И они ушли из Буголии. Вернулись в страну, где уже не было кассовых аппаратов в общественном транспорте и где разрешалось пользоваться автобусными дверями по своему усмотрению, что, хоть и создавало толкучку, однако выглядело вполне привычно. К этому времени в стране усилились беспорядки, вызванные природно-социальными катаклизмами, многие правила были просто забыты, а другие вычеркнуты из жизни как ненужные. Поэтому в автобусах теперь разрешалось ездить бесплатно, достаточно было цыкнуть на хмурую билетёршу, чтобы та отстала. Можно было выпрыгивать на ходу или залезать на крышу, можно было даже вырывать руль у водителя и вести автобус куда вздумается, никто и слова не говорил против этого. Люди сделались как грибы – прикрылись шляпами, сжали плечи и молчали, всем было всё равно, сколько ты бросил туглов в кассу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.